

Гр. пр
Г 598

А. Г. ГОЙХБАРГ.

Действительный член Социалистической
Академии общественных наук.

ПРОЛЕТАРИАТ И ПРАВО.

(Сборник статей).

200210.

Издание Народного Комиссариата Юстиции.
1919.

СПбГУ

Пролетарская революция и гражданское право^{*)}.

I.

Революция пролетарская, пролетарская не только по силам, которые ее осуществляют, но и по целям, которые ставят себе—инстинктивно и сознательно—массы, ее осуществляющие,—такая революция стремится в более или менее близком будущем заменить строй буржуазный, индивидуалистический, строем социалистическим, коллективистическим. С полным обобществлением сначала производства и обмена, а впоследствии и потребления, с устранением всякой борьбы между людьми на почве материальных средств существования, откроется полная возможность *беспрепятственного* всестороннего развития человека, если угодно, человеческой личности, не как отдельной особи, а как органической части огромного целого, именуемого человечеством.

Борьба из области отношений между людьми перенесется тогда исключительно в область отношений между человечеством и природой; в упорной войне с природой люди станут вырывать у нее все больше и больше тайн, узнавать все новые и новые силы природы, овладевать этими силами, приспособлять их к все растущим потребностям людским, превращаться из рабов непонятных и стихийных сил в сознательных их распорядителей.

В этой области завоевания сил природы, в целях создания красивой, многогранной и вольной жизни людей, человеческой работе пока не предвидится предела. Но вся эта долгая работа, работа, быть может, поколений, будет борьбою не междучеловеческой, не между отдельными группами людей, разделенных географическими, государственными, классовыми

^{*)} Статья эта была напечатана в журнале „Пролетарская революция и право“—№ 1.

или иными перегородками, а борьбою для человечества внешне—между человечеством и вне его находящейся природой. Период междучеловеческой борьбы и войны отойдет в область преданий; люди, как гармоничные части одного целостного организма—человечества, будут только сочетать свои силы для чего-то общего, а не напрягать их для поражения, одоления или угнетения, порабощения себе подобных. Начало принуждения исчезнет в отношениях между людьми. Исчезнет тогда и *право*, как организация принуждения в области отношений между людьми, вызываемого постоянной борьбою людей, как отдельных индивидов, групп, государств и т. п.

Таким образом, с окончательным упрочением коллективизма исчезнет не только гражданское право, но и все право вообще. Гармоническое сосуществование людей будет построено не на началах общественного принуждения, общественной необходимости, иными словами, права, а на началах полнейшей общественной свободы. Впервые создавшееся человечество не будет нуждаться в *гарантиях* против свободы или даже своеволия отдельных входящих в его состав отрядов или лиц: совершенно изменившиеся условия людского бытия повлекут за собою такое перерождение общественной психологии, при котором своеволие, нарушающее гармонию общечеловеческой жизни, станет аномалией столь редкою, что ее можно будет либо оставить без внимания, либо легко устранить средствами, непохожими на нынешние правовые гарантии.

Но, если таков конечный результат осуществления социалистического строя, то означает ли это, что немедленно после того, как разразилась пролетарская революция, да еще вдобавок только в одной стране, могут быть изданы *декреты об отмене* всего прежнего буржуазного правового уклада, а налаживание новых социалистических отношений может быть предоставлено «естественному» ходу вещей? Возможен ли *неурегулированный* переход от анархического своеволия буржуазно-индивидуалистического строя к гармоничной свободе строя социалистического, общественного?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы отрицательный ответ на него был ясен сам собою. Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы увидеть, что в переходное время некоторые области права должны будут расцвести пышным цветом, должны будут достигнуть неслыханного в прежние вре-

мена напряжения, и в то же время другие области права должны будут хиреть, вянуть, сморщиваться, приближаться к небытию или исчезнуть окончательно. При этом изменения должны будут принять гораздо более резкий характер в области законодательства, чем в области действовавшего права, которое сравнительно давно уже скрывало в себе тенденции нового строя.

Но одни декреты сами по себе далеко еще не являются окончательным решением вопроса. Декреты в кратких и резких выражениях, отменяющие пережитки прошлого, развязывающие старые путы, которые связывали людей и мешали их действиям, и предоставляющие таким образом полную свободу действий индивидам, в расчете на то или с лицемерным провозглашением того, что из столкновения свободных эгоизмов родится всеобщее благополучие, — такие декреты были уместны и возможны и достигали своей цели в период образцовой французской буржуазной революции, стремившейся насадить строй *анархического индивидуализма* в области хозяйственных отношений. Пролетарская же революция, ставящая себе совершенно иную цель, стоящая перед задачей оформления и упрочения строя совершенно противоположного, строя *урегулированного коллективизма*, такая революция одной отрицательной, декретной деятельностью ограничиться, разумеется, не может. Гораздо большее значение в области правовой на переходное время имеют для нее задачи *положительные*, задачи урегулирования отношений, долженствующих заменить прежний хаотический общественный строй.

II.

Весьма интересные и глубокие мысли по этому вопросу мы находим в недавно появившемся труде одного из наиболее выдающихся «молодых» марксистов, Карла Реннера¹⁾. Как ни относиться к отдельным выводам автора, все же нельзя не признать, что в этом отношении его указания глубоко правильны. В отдельной главе²⁾, трактующей о противоположности между буржуазной и пролетарской революцией, К. Реннер развивает следующие мысли.

¹⁾ Karl Renner, *Marxismus, Krieg und Internationale*, Stuttgart, 1917

²⁾ Там же, стр. 20—26

То, что дают все буржуазные революции в области экономической, является бесконечно простым и совершается сравнительно быстро: они развязывают, они освобождают людей и вещные элементы производства от всех традиционных, феодальных или сословных оков и предоставляют их самим себе. От имени этих революций государство говорит человеку: «отныне ты являешься личностью и экономически пользуешься свободой делать, что тебе угодно,—твое высшее основное право заключается в том, что в этой области ты от меня несколько не зависишь». И точно так же обращается государство к вещам: «отныне вы—не что иное, как товары, чем бы вы ни являлись:—земельными участками, плодами, животными, продуктами труда или чем угодно иным,—я не знаю никакого различия между вами, и основной ваш закон—находиться в обращении без моего содействия. Личности и товары, двигайтесь на основе свободных договоров: у меня нет иной задачи, кроме обеспечения принудительного осуществления ваших договоров».

И сейчас же видно, что такое обезгосударствление не требует от государства никакой творческой хозяйственной работы, что оно может быть осуществлено в «августовскую ночь» простым декретом. Как бы много времени ни должно было пройти прежде, чем феодальное общество настолько дезорганизовалось, чтобы начать себя чувствовать простым обществом товарладельцев, сколько бы политического труда ни должна была затратить буржуазия на собирание своей политической силы, формально буржуазная революция совершилась посредством декрета, гласившего: «люди, идите, товары, двигайтесь,—вы свободны!» Сверх этого не оставалось иной организаторской работы, кроме создания справедливо судящего государства, правового государства, этого наивысшего осуществления буржуазной идеи общения, за пределы которого не могли выйти даже такие величайшие буржуазные умы, как Кант, и которое Фердинанд Лассаль иронически назвал ночным сторожем.

Бессмысленно допустить, что пролетарская революция будет копией с революции буржуазной, что она станет выполнять те же функции, придерживаться тех же форм. Совершенно наоборот: если она представляет собою позднейшую и более высокую историческую формацию, то буржуазная форма революции и ее формулы представляются по сравнению с нею реакционными. Та несвязанность людей и вещей, которую буржуазная

идеология именуется свободой, является для нее анархией, чем-то реакционным; она видит перед собою новый строй: взамен капиталистического строя—социалистический хозяйственный и общественный строй.

Живя в этом буржуазном мире, анархический характер которого так наглядно изображен Фридрихом Энгельсом, Маркс разъяснял: «то, что вы называете произволом и свободой, в действительности является всесторонней социальной зависимостью. Не позаботившись сознательно создать для самих себя социальный строй, вы подпали под вещный закон капитала, господствующий над всеми участниками производства,—рабы вещей, внушающие себе, что, как личности, они свободны. Но этот закон капитала принудительно сплачивает вас и вынуждает само общество в один прекрасный день сбросить с престола этот закон и заменить его сознательным общественным руководством, привести к тому, чтобы не экономия господствовала над обществом, а общество над экономией, чтобы не буржуазия господствовала над государством, а государство, на первых порах, господствовало над буржуазией, пока организованное общество окончательно не растворит в себе буржуазию. Капитализм из своего лона рождает собственного могильщика—социализм. В этом смысле социализм означает сознательное господство организованного общества над экономией.

Организованное общество—это не анархическое суммирование индивидуумов, а их слияние в единую общую волю. Это слияние, к сожалению, не может быть достигнуто ни путем декрета, ни в одну августовскую ночь. Спросите-ка политического представителя какой-нибудь местности, уполномоченного профессионального союза отдельного завода, сколько времени, усилий и ловкости приходится употребить для того, чтобы привести несколько сот человек к единой мысли и воле, чтобы искоренить в них буржуазный предрассудок анархически свободной «личности» и заменить его сознанием того, что лучше быть свободным членом свободного общения. Раскройте историю наших профессиональных, потребительских и политических организаций и вы убедитесь, что для этой части пролетарского переворота для этих задач психологического перерождения потребуются годы и десятилетия, что это будет достигнуто не восстанием, не декретами, а трудом и воспитанием.

Сообразив все это, можно понять глубокую противополож-

ность между буржуазным и пролетарским миром: сущностью буржуазного строя является юридический титул—собственность; сущностью пролетарского строя—труд, длительный процесс, которого никакая гениальная выдумка заменить не может; добродетель буржуазного строя—самодержавие личности; добродетель социального строя—дисциплинированное вхождение в общую волю, организация.

Организованное общество берет в свои руки господство над экономией,—такова материальная задача пролетарского новообразования. Это господство уже по одному своему предмету не только отличается от буржуазного государственного строя, но и прямо ему противоположно.

Буржуазный строй представляет собою господство над людьми через посредство права,—иными словами, приказа и послушания, короче—параграфа; орган этого строя—юрист; его высшая форма—законодательство.

Как-раз теперь, во время войны, всякий профан видит, как бессилён простой параграф, как он не в силах справиться с экономией. Господство над экономией по существу уже перестало быть господством; оно представляет из себя набрасывание и осуществление плана работ, техническую идею и техническую работу. Здесь мы видим бесконечно глубокое различие. Буржуазный закон гласит: «Вы, лица буржуазного права, можете или должны строить дома с такими-то юридическими ограничениями». Для издания такого приказа достаточно нескольких рощерков пера. Социальная общая воля провозглашает: «мы хотим каждому создать помещение». Это закон—уже не приказ, а программа работ.

После декретов 4-го августа, этого апогея французской революции, свободные граждане могли начать блаженно плясать на площадях Парижа: они были свободны, как личности, они были неограниченными собственниками, и свободно обращались (или, по крайней мере, должны были свободно обращаться) товары на всех рынках—капиталистический способ производства мог начать развиваться. Но в тот день, когда в этом государстве достигнет господства пролетариат, начнется не танец, а работа. И пройдут годы, годы, богатые трудом, пока, к примеру, для каждого члена общества будет воздвигнуто достойное его помещение.

Правильное понятие о форме и содержании пролетарского мирового переворота можно получить, обратившись к примеру, который является предвосхищением этого переворота уже в период господства буржуазного строя. Буржуазия, желая достигнуть конечной степени эксплуатации труда, не могла ждать, пока каждый рабочий частным путем, путем свободной конкуренции между частными учителями и ищущими образования, приобретет выучку, потребную для промышленного трудового процесса; она создала народные школы, вполне следуя в этой области тем методам, которые открываются социалистическому строю в качестве методов единственных. На первое время она осуществила это свое решение путем законов. Так, напр., в Австрии еще в 1869 г. был издан закон о народных школах. Но закон есть простое слово, и к тому же слово это, разумеется, не подобно библейским словам шести дней творения: да будет—и стало! Да будут школьные здания; да будут школьные учителя! Как настоящий социальный закон, этот закон был программой работ: мы хотим построить школьные здания; мы хотим создать учительские институты; мы хотим составить учебный план и приготовить учебные пособия; мы хотим дать каждому ребенку в течение восьми лет воспитание и образование в школьных зданиях чрез посредство школьных учителей при помощи указанных учебных пособий. Со времени издания этого закона прошло уже почти столетия, и еще не все школьные здания построены; подготовка учителей еще недостаточна; учебные пособия еще недоступны. Но совершенными эти элементы школы никогда не будут—ибо время все спешит вперед, а управление только издала следует за ним: всякая задача управления по существу своему является бесконечной. Столь же бесконечными будут экономические задачи социализма; взять к примеру хотя бы задачу организации сельскохозяйственного производства, где каждый шаг по пути открывает новые пути.

Нет ничего более опасного, чем внушение пролетариату той веры в декреты, которая господствовала во время французской революции; нет ничего опаснее ожидания от социализма чудес дней творения: да будет—и стало. В тот день, когда пролетариат приобретет единовластие над экономией, исчезнет фантом господства и начнутся дни работы по управлению. Эта работа, конечно, будет свободна от всяких пут частного интереса; она

будет в состоянии творить быстрее и действеннее и бесконечно ускорить социальное развитие. Но чудес не произойдет.

Храм буржуазного владычества — законодательство и его фетиш—закон; храм пролетарского и социалистического мирового строя—управление, а его богослужение—труд. Не случайно политические идеалы буржуазии воплощены в парламентаризме и правовом государстве. Социалистическое же общение по смыслу своему является прежде всего общением для управления.

Не только социалист и марксист К. Реннер отмечает этот переход от законодательства к управлению. Он только наиболее рельефно и выпукло рисует различия между буржуазным и пролетарским методами. Во многих работах буржуазных ученых можно также найти указания на то, как даже в буржуазном обществе суверенитет, приказ, законодательство отодвигаются на задний план, уступая служению целям общежития, управлению, хозяйственному заведыванию. Этому вопросу посвящена, например, целая книга французского профессора, Дюги¹⁾. Те же мысли можно отчасти усмотреть и в появившейся еще в прошлом столетии книге нынешнего американского президента Вильсона, у которого мы можем прочесть, напр., следующие строки: «...власть, составляющая лишь часть управления,—власть законодательная. Законодательство есть лишь масло управления. Оно смазывает его пути и ускоряет бег его колес; оно уменьшает трение и тем облегчает движение... Пожалуй, гораздо важнее знать, как строится дом, чем знать, каким образом создавались проекты архитекторами, и каким образом высчитан необходимый материал. Лучше обладать искусно сделанным зданием—с солидными стенами, прочными сводами, крепкими балками и надежными окнами, которые могут «противостоять дыханию зимы»,—чем чертежом на бумаге, которым восторгаются все художники страны»²⁾.

III.

✓ Задачи пролетарской революции осуществимы не путем декретов, не путем законодательных актов, указывающих юриди-

¹⁾ Leon Duguit. Les transformations du droit public, 1913.

²⁾ В. Вильсон. Государственный строй Соединенных Штатов, русск. пер. стр. 257—258.

ческие титулы, способы, которыми *могут* быть приобретены те или иные права, а тем паче не при помощи норм, которые исходят из того, что соответственные отношения регулируются на основе произвольных частных соглашений, и начинающих действовать лишь в том случае, когда отдельные лица, вступив в известные отношения, забыли, упустили урегулировать некоторые детали этих отношений (почти все нормы обязательственного права). Эти задачи на первых порах осуществимы не этим путем отрицания государственного вмешательства, а как раз наоборот—организацией управления, хозяйственного заведывания, обслуживания материальных и духовных, культурных нужд населения. Разумеется, намечение этих задач, набрасывание таких планов совершается первоначально также в виде постановлений, с виду похожих на прежние законы. Но может ли входить в систему этого законодательства, как самостоятельная часть его, законодательство по гражданскому праву в том виде, как оно понималось раньше (по немецки—bürgerliches Recht—буржуазное право)? Не придется ли сказать, что гражданское право отменяется? Или, точнее, что те отношения которые раньше регулировались гражданским правом, в общем и целом, должны регулироваться нормами совершенно иного, не гражданско-индивидуального, а организационно-социального характера?

В самом деле, какова сущность гражданского права? Спор о том, где границы между правом гражданским и публичным, каково основное отличие гражданского права от права публичного, далеко еще не решен в западно-европейской литературе. Не решен он был и у нас, несмотря на то, что с 1864 г. существовало правило о том, что всякий спор *о праве гражданском* подлежит судебному разбирательству (ст. 1 Уст. Гражд. Судопр.). Но в общем можно признать наиболее удовлетворительным следующее разъяснение сущности гражданского права, данное, между прочим, недавно проф. И. А. Покровским: «*Прием юридической централизации* составляет основную сущность публичного права... К совершенно иному приему прибегает право в тех областях, которые причисляются к сфере права частного или гражданского. Здесь государственная власть *принципиально* воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений; здесь она не ставит себя мысленно в положение единственного определяющего центра, а

напротив, предоставляет такое регулирование множеству иных маленьких центров, которые мыслятся, как некоторые самостоятельные социальные единицы, как субъекты прав. Такими субъектами прав в большинстве случаев являются отдельные индивиды-люди... Все эти маленькие центры предполагаются носителями собственной воли и собственной инициативы, и именно им предоставляется регулирование взаимных отношений между собою. Государство не определяет этих отношений от себя и принудительно, а лишь занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими. Оно не предписывает частному лицу стать собственником, наследником, или вступить в брак; все это зависит от самого частного лица или нескольких частных лиц (контрагентов по договору); но государственная власть будет охранять то отношение, которое будет установлено частной волей. Если же она и дает свои определения, то, по общему правилу, лишь на тот случай, если частные лица почему-либо своих определений не сделают; следовательно, — лишь в восполнение чего-либо недостающего. Так, напр., на случай отсутствия завещания государство определяет порядок наследования по закону. Вследствие этого нормы частного права, по общему правилу, имеют не принудительный а лишь субсидиарный, восполнительный характер и могут быть отменены или заменены частными определениями... Таким образом, если публичное право есть система юридической централизации отношений, то гражданское право, наоборот, есть система *юридической децентрализации*: оно по самому своему существу предполагает для своего бытия наличие множества самоопределяющихся центров¹⁾.

Но может ли пролетарская государственная власть или государственная власть, установленная для осуществления задач пролетарской революции, играть по отношению к экономике, к обслуживанию материальных и духовных потребностей людей роль некоего умывающего руки Пилата; может ли она «принципиально воздерживаться от непосредственного и властного регулирования» этих играющих столь решающую роль отношений? Может ли она допустить, чтобы область вещно-правовых отношений покоилась на началах свободы частной собственности,

¹⁾ М. А. Покровский Основные проблемы гражданского права, 1916 г. стр. 11—12

чтобы область обязательственно-правовых отношений покоилась на началах свободы договоров и соглашений, чтобы область по-смертно-имущественных отношений покоилась на началах свободы завещаний?

Не только эта власть, власть класса, каждое дыхание которого есть организационная, сплачивающая, централизующая, а не распыляющая и децентрализаторская работа, так поступать не может. Не могла так поступать и буржуазная власть, которую развитие экономических отношений принудило заняться некоторым властным урегулированием отношений вещно-обязательственно-и наследственно-правовых. Разве сохранилась в буржуазных законодательствах неограниченная свобода собственности, договоров, соглашений и завещаний?

И даже самые крайние индивидуалисты, как-напр., тот же проф. И. А. Покровский, вынуждены признать возможность и иного урегулирования тех отношений, которые некогда регулировались (или, вернее, оставались неурегулированными) приемами гражданского права¹⁾.

В частности у нас в настоящее время, если даже оставить в стороне задачи, выдвинутые войною и голодом, мыслимо ли утверждать, при наличности уже проведенных и в виду намеченных к осуществлению в ближайшее время преобразований, что государственная власть принципиально воздерживается от непосредственного регулирующего вмешательства в область отношений, регулировавшихся частным правом? После того, как право собственности не только ограничено, но важнейший объект права собственности—земля изъята из произвольного частного обладания и урегулированно распределяется по известным началам между пользователями,—можно ли говорить, что вещное право относится к области выше охарактеризованного права гражданского? Можно ли отнести к той же области «обязательственное» право, можно ли говорить о свободе договоров и соглашений, когда наем труда и наем помещений властно регулируются го-

1) "... в различии между правом публичным и частным, мы имеем дело не с различием интересов их отношений, а с различием в приемах правового регулирования... Нет такой области отношений, для которой являлся бы единственно возможным только тот или только другой прием; нет такой сферы общественной жизни, которой мы не могли бы себе представить регулированной как по одному, так и по другому типу... Во всяком случае каждый из этих приемов имеет свою особую социальную ценность". Там же стр. 14—15

сударственной властью, когда определяются пределы прибыли единоличных и коллективных предприятий; когда национализуются известные части производства и торговли; когда подготавливается всеобщая трудовая повинность? ¹⁾ Можно ли отнести к той же области и отмену права завещания в пользу социального обеспечения близких, взамен прежнего случайного и произвольного ограничения свободы завещания в пользу необходимого наследника, которому, напр., во Франции должен был остаться половину имущества одинаково как мелкий лавочник, всего имущества которого еле хватало на прокормление семьи, так и миллиардер, незначительной части состояния которого было достаточно для предоставления его семье всяческих удобств и комфорта?

Как видим, те отношения, в которые государственная власть буржуазии (и к тому же только в начальную эпоху простого товарного производства) принципиально совершенно не вмешивалась, в настоящее время являются предметом усиленного государственного вмешательства даже и до пролетарской революции. Еще больше должно усилиться это вмешательство со стороны государственной власти, ставшей орудием пролетариата и ставящей себе задачи перехода к полному коллективизму.

Частное, гражданское, буржуазное право, основанное на индивидуалистическом принципе «Laisser faire, laisser passer» повсюду хиреет на наших глазах. Окончательный, смертельный удар наносит ему власть нового класса—пролетариата. Во время пролетарской революции это право находится в агонии и заменяется социальным правом переходной эпохи, правом, основанным на планомерном, централизованном учете и удовлетворении материальных и духовных потребностей людей, членов крупного и все расширяющегося коллектива.

IV.

Но, если в эпоху пролетарской революции окончательно умирает индивидуалистическое гражданское право и заменяется

¹⁾ Кстати, отметим, что всеобщая трудовая повинность для людей, не обладавших собственностью, существовала в буржуазном обществе не только фактически, но и юридически. Санкционировалась эта повинность либо угрозой голодной смерти, либо карам за кражу, бродяжничество и нищенство.

200210

правом социальным, принципиально противоположным, то могло бы показаться, что перед пролетарской революцией в этой области стоят две самостоятельные задачи: задача отменительная и задача созидательная, и что первая задача очень легка и вполне тождественна с отменительной, декр. тн.й задачей буржуазной (напр., французской) революции. На самом же деле это далеко не так. Отменительная часть задачи пролетарской революции коренным образом отличается от отменительной задачи революции буржуазной, и осуществление ее сопряжено с огромными трудностями, совершенно не имевшими места при осуществлении правовых задач революции буржуазной. Отменительная часть задачи пролетарской революции неразрывно связана с ее созидательной частью. Отменяются не самые отношения; изменяется только самым радикальным образом и к тому же чрезвычайно осложняется способ регулирования: способ регулирования неорганизационный заменяется организационным способом.

К примеру, очень легко было осуществить такую меру, как отмена чинов, орденов, различия сословий. Здесь отменялись самые отношения — и достаточно было для осуществления таковой меры нескольких строчек декрета. Так же легко было бы осуществить, напр., отмену ведения актов гражданского состояния; достаточно было бы приказать: впредь подобные записи нигде не должны вестись. Но уже гораздо труднее оказалась передача дела ведения этих актов из многих разбросанных духовных учреждений в единообразное светское. Здесь необходимо было, в виду сохранения соответственных отношений и впредь, и добыть архивы и старые записи из более или менее центральных духовных учреждений, и изъять текущие записи непосредственно от обширнейшего круга духовных лиц, ведущих эти записи, и надблости за тем, чтоб они впредь таких записей не вели, и внушить населению мысль о необходимости впредь все эти записи совершать не у духовенства, а в светском учреждении, и организовать огромное количество (в каждом, по возможности, селе) этих самых учреждений. Оказалось поэтому, что выполнение как первой, так и (не говоря уже о) второй части этой задачи далеко еще до своего завершения. В деревнях почти нигде еще метрические записи не взяты у духовенства и им попрежнему совершаются; конистории попрежнему присылают духовенству книги записей; ни-

где почти в сельских местностях не функционируют светские отделы записей актов гражданского состояния, и поэтому даже государственные учреждения, напр., губернские статистические комитеты, обращаются к духовенству, как к казенному учреждению с требованием текущих статистических данных о количестве родившихся. И все это несмотря на то, что со времени издания декрета об отделении церкви от государства прошло уже много месяцев и уже действуют постановления о лишении духовенства казенного содержания, права бесплатной (казенной) корреспонденции и т. д.

Весьма легко осуществима была бы отменительная задача и в области, напр., права наследования, если бы она состояла только в отмене, непризнании имущественных отношений умершего, если бы следовало предписать, что, со смертью лица, имущество, принадлежавшее ему при жизни, перестает быть прикрепленным к кому бы то ни было, утрачивает всякую связанность, что долги его погашаются, что требования его также прекращаются и что наличное его имущество становится свободным и доступным первому встречному. Трудности возникают, когда задача состоит в другом, когда прежний порядок урегулирования имущественных отношений умершего отменяется и заменяется иным более сложным, когда отменяется и об'является недопустимым произвольный и зависящий от капризов, происков, ухищрений и воздействий способ посмертного наделения имуществом родственников или посторонних лиц и заменяется нормированным обеспечением близких и переходом излишка к государству.

Трудности, однако, здесь не те, какие указывали и указывают критики отмены частного наследственного права. Так, напр., на-ряду с другими, тот же цитированный выше проф. И. А. Покровский заявляет: «До тех пор, пока хозяйственный строй будет покоиться на началах частной инициативы, уничтожение права распорядиться своим имуществом на случай смерти привело бы только к целому ряду тяжелых отрицательных последствий. Не имея возможности обеспечить на случай своей смерти близких лиц, которые не являются наследниками по закону, или отдать свое имущество на служение тем целям, которые были дороги при жизни, люди утратили бы один из существенных стимулов для развития своей хозяйственной энергии и предприимчивости. Взамен этого под конец жизни могла

бы развиться наклонность к бесполезным тратам и расточительству»¹⁾.

Все эти страхи представляются скорее мнимыми, чем реальными. Во-первых, когда ставится задача отмены завещаний и частного права наследования, хозяйственный строй не покоится уже на началах частной инициативы. Во-вторых, никто даже и предположительно не может знать, когда приближается конец его жизни. В-третьих, сами эти критики признают, что в настоящее время не зависит от воли человека остановка или прекращение его предприятия²⁾. В-четвертых, бесполезные траты и расточительство означают в большинстве случаев не уничтожение имущества, а только переход его в другие руки. В-пятых, наконец, совершенно непонятно, почему не может явиться стимулом для напряжения своей инициативы желание обеспечить нуждающихся близких и поработать для общего блага, т.е. для государства? К тому же уже и буржуазная мысль начинает склоняться к тому, что задача наследственного права — обеспечение *нуждающихся* близких. Так, напр., в объяснительной записке к германскому проекту ограничения права наследования, внесенному в 1913 г. германским правительством в рейхстаг, читаем: «в большинстве случаев получилась бы крайняя и недопустимая суровость, если бы порядок, с одной стороны, признавал законными наследниками братьев и сестер покойного, людей, быть может, *вполне достаточных*, а, с другой стороны, в то же время лишал прав наследования... детей раньше умерших братьев и сестер, каковые дети кто знает, нередко даже *испытывают* *нужду* именно потому, что их родители рано скончались»³⁾.

Трудности заключаются здесь в ином. Отменительная часть декрета об отмене наследования неразрывно связана с его со-

¹⁾ И. А. Покровский *цит.*, стр. 265—266.

²⁾ Ср. Зомбарта, цитируемого там же, стр. 275—276: «Везде мы наталкиваемся на некоторый особый вид *психического принуждения*: часто предпринимать не желал бы идти опер д, но он должен. Современный хозяйственный человек втянут в ремни своего предприятия и вертится вместе с ним. Для его личной добродетели нет места, так как он находится в подчиненном положении, в принудительной зависимости от этого последнего. Темп предприятия определяет его собственный темп; он так же мало может быть ленивым, как рабочий при неустanno-работающей машине».

³⁾ Приведено у проф. М. Я. Перляманта. Новейший фазис в вопросе о праве наследования государства, 1914 г., стр. 10—11.

зидательной частью. Имущество, все имущество, оставшееся после умершего, должно остаться связанным, все оно должно быть учтено, но должно пойти не на удовлетворение индивидуальных и своевольных пожеланий и притязаний, а на нормированное обеспечение нуждающихся близких и на цели общего блага, т.-е. на нужды государства. Необходимо поэтому создание органов учета таких имуществ, необходима организация энергичных розысков имущества, необходимо установление удовлетворительных способов экстренного, временного и окончательного обеспечения нуждающихся близких, необходима надлежащая организация управления этими имуществами. Все это работа, требующая времени. Но, сверх того, этот социальный закон, как и всякий социальный закон, направленный на ограничение индивидуальных склонностей, стремлений и притязаний на пользу общества, требует времени и борьбы для своего осуществления. Происходит, вообще говоря, борьба не только за издание нового закона, но и за осуществление закона, уже изданного; существует борьба не только *de lege ferenda*, но и *de lege lata*¹⁾. И часто гораздо больше борьбы, приходится затратить на осуществление закона, чем на его издание (ср., напр., законы об ограничении рабочего времени или об охране детского труда). Здсь необходимо постоянное и энергичное отстаивание закона заинтересованными лицами. В частности, по отношению к закону об отмене наследования, необходимо, чтобы заинтересованные лица и учреждения, органы власти и члены общегития планомерно и энергично отстаивали нормы этого закона, не только не участвовали в попытках его обхода, но и всячески противодействовали такого рода попыткам.

Право не только обретается, но и утверждается в борьбе. Как отменительные, так и созидательные задачи пролетарской революции требуют для своего осуществления энергичного практического труда. Осуществление и тех и других представляет собою осуществление программы работ, практическую каждодневную работу, социально-психологическое перевоспитание. Декреты дают только толчки, развивающие движение на этом длинном пути.

---

1) Ср. Karl Renner, *op. cit.*, стр. 235—236.

О Советской конституции^{*)}.

Советской России приходится все время жить в таких условиях, когда на каждом шагу оправдываются вещие слова, которыми К. Маркс заканчивает свою «Нищету философии»: «До тех пор пока общество разделено на классы, накануне всякого коренного преобразования общественного строя последнее слово социальной науки всегда будет гласить: «Борьба или смерть; кровавая война или небытие. Так и только так ставит вопрос бесжалостная история».

С самого начала существования Советской России, поставившей себе целью коренное преобразование капиталистического общественного строя, разделенное на классы общество стран почти всего мира—и это за последнее время обнаружилось с полной ясностью—объявило этой ненавистной им России кровавую войну, грозящую ей небытием в случае победы над нею. И Россия, рабоче-крестьянская Россия вынуждена вести борьбу под угрозой смерти.

Находясь в таком угрожаемом положении, ныряя между Сциллой и Харибдой двух империалистических левиафанов, вынужденная напрягать все силы для отчаянной борьбы на все стороны против окружающих ее чудовищ, которые запускают свои отравленные щупальцы в самое ее сердце,—Советская Россия, казалось бы, должна была совершенно забыть о всякой созидательной работе, о всяком строительстве своей новой жизни, исчерпав все свои силы на эту яростную и непосильную борьбу, какую ей волей бесжалостной истории приходится вести.

В действительности же мы видим иное. Если бы у власти стояли одряхлевшие, осужденные на скорую гибель классы,

^{*)} Статья эта была напечатана в журнале «Пролетарская революция и право» — № 3—4.

то им, действительно, в указанных условиях не до творчества было бы. Но огромные, неисчерпаемые силы, видать, заложены в юном, впервые поднимаемся к власти классе, в пролетариате и идущем за ним крестьянстве, если, несмотря на все окружающие его ужасы, несмотря на всю ожесточенную борьбу, которую объявили ему все силы адавы осужденного на исчезновение империалистического строя, несмотря на схватившую его за горло костлявую руку голода,—он все же находит в себе достаточно мощи для огромной несслыханной и невиданной в истории преобразовательной и созидательной работы во всех областях своей внутренней жизни.

Частичным отражением этой титанической, созидательной, творческой работы в области политического и отчасти социального строительства является принятая пятым всероссийским съездом Советов июльская конституция.

Пишущий эти строки не во всем солидарен с этой конституцией. Коллегия Народного Комиссариата Юстиции вместе с М. А. Рейснером и мною (вернее было бы сказать: М. А. Рейснер вместе с нами) выработали свой проект конституции (опубликованный в Известиях от 4-го июля и публикуемый также в настоящей книжке журнала). Мы критически относились к принятому проекту. Но мы в своей критике исходили из желания сделать советскую конституцию еще более совершенной, поднять ее на большую высоту, облечь ее в иную менее торжественную форму, которая, по нашему мнению, более соответствует идеологии пролетариата¹⁾. Мы в частности, хотели поэтому декларативную форму провозглашения известных прав заменить нормами относительно неотъемлемых общественных прав или, вернее, основ социалистического строя. Мы хотели большей последовательности и законченности. Но нам, критикам, ни на минуту в голову не приходило отрицать, что и в этом своем, по нашему мнению несовершенном виде, проект

1) Ср. напр. К. Маркс, 18-ое брюмера: „Буржуазные революции, например, революции XVIII века, быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; но оне быстростечны, скоро достигают своего высшего пункта, и продолжительная апатия похмелья охватывает общество, прежде чем оно успевает трезво усвоить себе результаты периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции не прерывно критикуют самих себя“.

советской конституции пролетарского государственного и общественного строя не может пойти ни в какое сравнение с самыми совершенными продуктами буржуазного конституционного творчества, что он гораздо выше всех наиболее демократических буржуазных конституций. К тому же, если сравнить различные опубликованные (в «Известиях» от 3-го, 4-го и 5-го июля) проекты конституции, с текстом окончательно принятой конституции, то мы увидим, что целый ряд основных положений нашего проекта в окончательном счете принят.

Откладывая поэтому подробный критический разбор советской конституции до другого раза, я здесь остановлюсь пока на положительных сторонах этой конституции, благодаря которым она может стать тем, по недавнему выражению германских левых социалистов, священным огнем, который захотят позаимствовать у российского пролетариата его западно-европейские товарищи, когда они, свергнув своих эксплуататоров, станут у кормила государственной власти.

Каковы же эти самые существенные положительные основы Советской Конституции?

Когда буржуазия даже в эпоху революций приобретала власть и торжественно на словах провозглашала принципы свободы, равенства и братства, она тем не менее, тут же в своих конституциях *увечивала*, провозглашала вечной организацию государственной власти, т.-е. господства своего класса и *угнетение* других; она тут же провозглашала неприкосновенность и вечность института частной собственности, т.-е. *отменяла равенство*, заменяла его экономическим неравенством; она тут же воздвигала государственную стену между «своим» и «чужим», иностранцем, т.-е. отменяла братство.

Рабочий класс никогда не желал и не желает господства над другими классами, их угнетения, ставя это господство в основу своего общественного строя. Он искренно желает уравнивать, поднять до себя всех людей без различия, предоставить всем без изъятия одинаковые условия жизни. Пролетариат помнит переходящий характер своего политического господства и своей политической власти: она нужна ему лишь до окончательного подавления его классовых врагов, не желающих равенства, жаждущих привилегий. Пролетариат не забывает высоких идей, провозглашенных еще более 70 лет тому назад в «Коммунистическом манифесте» его величайшими учителями,

Марксом и Энгельсом: «Когда антагонизм классов с дальнейшим ходом развития уничтожится, и все производство будет концентрировано в руках ассоциированных индивидов, тогда исчезнет и политический характер общественной власти. Политическая власть есть, собственно говоря, власть, организованная одним классом для угнетения других. Если пролетариат в своей борьбе против буржуазии организуется в класс, достигает классового господства и, в качестве господствующего класса, уничтожает старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, уничтожает самые классы, а тем самым и свое собственное классовое господство. На место старого буржуазного общества, с его классами и их антагонизмом, возникает ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Поэтому российский пролетариат даже в первом опьянении победой над вековыми своими угнетателями не провозглашает своей власти, своего господства и следовательно угнетения бывших угнетателей чем то вечным. Он считает свое господство кратковременной, проходящей горькой необходимостью, пока не будут созданы условия для отмены всякого угнетения, для подлинной свободы всех без всякого изъятия. И первая статья общих положений пролетарской советской конституции (ст. 9) гласит поэтому: «Основная задача рассчитанной на настоящий *переходный* момент конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

В противоположность буржуазии, которая, говоря о свободе, на деле стремилась увековечить угнетение большинства населения, говоря о равенстве, на деле стремилась к увековечению частной собственности, т.е. экономического неравенства,—пролетариат открыто признает, что он вынужден временно прибегнуть к угнетению незначительного меньшинства, дабы обеспечить исчезновение государственной власти, т.е. установить свободу для всех. Он признает (ст. 18) труд обя-

занностью всех граждан республики и тем самым стремится упрочить подлинное равенство людей. Пролетариат нелегально провозглашает братство. Он не делает никакого различия между «своим» и «чужим», иностранцем, не воздвигает между ними стены враждебности и отчуждения. Он особо говорит о «чужом» только в тех случаях, когда, в силу существующего «в других странах положения, этот «чужой» нуждается в его защите. Он не признает возможности разного отношения к людям иной, «низшей» расы, которых даже самые смелые и передовые буржуазные мыслители готовы были считать чем то вроде вьючного скота. Для него, действительно: «все люди братья».

Ст. ст. 20, 21 и 22 конституции (кстати сказать в значительной степени заимствованные из нашего проекта—их нет в проекте, опубликованном в «Известиях» 3-го июля) гласят: «Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Р. С. Ф. С. Р. предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащих к рабочему классу или к непользующему чужим трудом крестьянству, и признает за местными советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства». «Р. С. Ф. С. Р. предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления». «Р. С. Ф. С. Р., признавая равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

Пролетариат не на словах, а на деле стремится не к провозглашению, а к установлению на практике подлинных свобод, равенства и братства, и включение в первую пролетарскую конституцию, конституцию пролетарского государства одних только перечисленных выше статей делало бы эту конституцию неистребимым памятником пролетарского творчества, зовущим вперед пролетарские массы всего мира, вдохновляющим их на борьбу за действительное освобождение человечества, внушающим пролетариату всего мира тот революционный энту-

зиязм, то великое воодушевление, без которого невозможны великие дела.

Но первая пролетарская конституция богата еще большим освободительным содержанием, и посему имеет еще более высокое воспитательное значение для пролетариата всего мира.

Пролетариат, которому и в первом опьянении победой над своими угнетателями не ударило в голову вино власти, который и в этот момент, не затуманив своего сознания, заявляет, что он берет себе власть, т.-е. силу угнетения над отжившими паразитическими слоями общества, лишь временно, лишь на короткое сравнительно переходное время до перестройки всего общества на новых трудовых началах,—этот пролетариат открыто и честно заявляет, что он берет власть, что власть берут трудящиеся, т.-е. огромное большинство населения, желающие применить эту власть так, чтобы в скорости исчезла всякая необходимость применения политической власти, т.-е. господства людей над людьми.

Буржуазия в своих революциях провозглашала суверенитет нации, заявляла, что источник власти коренится в народе, но на самом деле передавала власть не нации, не народу, а меньшинству владеющих собственников. Наиболее откровенный и смелый, а следовательно, и наиболее честный идеолог французской революционной буржуазии Дюпон-де-Немур при обсуждении избирательного ценза в 1789 г. заявил под аплодисменты своих единомышленников: «У кого нет никакой собственности, тот не член общества»¹⁾. Все развитие буржуазного обще-

1) Этот возглас Дюпон-де-Немура не был случайно вырвавшейся фразой. Таково было явно выраженное мнение многих его выдающихся предшественников, которые к тому же считали, что никогда не наступит такое время, когда самоуправление народа станет фактом, а не обманчивой фикцией. Дидро в «Энциклопедии» заявляет: «Гражданином делает собственность». Вольтер утверждал: «Мы все одинаковые люди, но мы не одинаковые члены общества» (*Pensées sur l'administration, Oeuvres*, т. V, стр. 351). Руссо говорил: «Строго говоря, никогда не существовала и никогда не будет существовать истинной демократии» (*Contrat social*, кн. III, гл. IV). Последнее утверждение поддерживали и во второй половине XIX века «первые люди» буржуазно-демократической Англии без различия консерваторы и либералы. Консервативный первый министр Англии, Дизраэли во вступительной речи к биллю о расширении избирательных прав заявил без всякого пафоса: «Демократические права предполагают равенство состояний, как коренное условие того общества, в котором они установлены. (курсив мой А. Г.). На долю нашей страны никогда не выпадет жить под демократическим режимом... Эта страна—страна классов и страной классов она останется навсегда».

отва сводилось к постоянному увеличению числа этих *нечеловеческих обществ*, не имеющих никакой собственности, пока они, наконец, не стали подавляющим большинством во всем мире. И этому большинству, действующему в интересах всего человечества, необходимо взять в свои руки власть для освобождения человечества, для уничтожения власти людей над людьми.

И первая пролетарская конституция не только провозглашает (ст. 10), но и проводит на практике правило: «Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах» (правило, кстати сказать, взятое из нашего проекта; его не было в проекте, опубликованном 3-го июля¹). В организации пирамиды советской власти (X—XII главы конституции) проявилась на практике это осуществление власти самим рабочим населением²).

Буржуазия, организуя свою власть над огромным большинством народа в виде представительного правления, стреми-

---

Первый министр Англии, либерал *Гладстон* гораздо позднее также говорил с приличным либералу пафосом: «Ни один народ, по значительности своей достойный названия нации, никогда, строго говоря, не управлял сам... На скале человеческих судеб начертано явственными знаками и железным пером, что в области практической политики народ в общем играет лишь пассивную роль» (Обе последние выдержки указаны в книге *Островск 10*, Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека). Только пролетариат, уничтожив разделение общества на классы, создает условия, при которых предсказания Дизраэли теряют свое значение, при которых слова Руссо, Гладстона и др. о пассивной роли народа в деле самоуправления перестают отвечать действительному положению вещей. Нельзя, однако, не сознаться, что все эти теоретики и практики буржуазного строя гораздо вернее и трезвее смотрели на вещи, чем нынешние „социалистические“ глашатаи демократии, истинной демократии при сохранении классов и буржуазного строя.

1) Начало этой статьи: „Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России“—провозглашает не то, что есть, а то, чем должно кончиться движение, когда воцарится социалистический строй, когда будет свободное-социалистическое общество, и когда, следовательно, власти не будет.

2) Германские независимые социалисты в „*Leipziger Volkszeitung*“ сомневались в демократичности того строя, при котором в центральные учреждения выбирают не непосредственно рабочие массы, а их представители. Но они совершенно не замечали сущности этого строя, в котором власть на самом деле осуществляется активной частью трудящихся масс. Кроме того, они забывали, что эта организация власти есть переходная форма к социалистическому заведению и управлению. А об этом они могли прочесть у Бебеля: Во главе всех местных управлений стоит центральное управление... Будет ли центральное уп-

дась передать власть в руки кучки вершущих собственников, путем упрочения несменяемости «представителей народа», освобождения их от императивных мандатов, отрывания их на многие годы от избирателей. Пролетарская конституция не на словах, а на деле вручающая власть самим рабочим массам, самому рабочему населению, дает ему в руки такое могучее орудие осуществления своей власти, как отзыв депутатов в любое время и выбор, взамен их, новых депутатов (ст. 78 Конституции).

Буржуазия, говоря о народовласти, на самом деле не допускала к участию в этой власти подавляющее большинство народа, устраивала всяческие препоны для права, а еще больше для возможности выбирать и быть избранным в представители власти. Она не могла иначе поступать, так как ее власть была господством незначительного меньшинства в интересах незначительного меньшинства. Пролетариат же, чья временная власть, есть господство огромного большинства в интересах огромного большинства и даже всего человечества, может позволить себе открыто сказать, что необходимую ему временно для подавления угнетателей и для установления всеобщей социалистической свободы власть он будет осуществлять один, что к участию в этой власти он представителей недавних угнетателей, стремящихся вернуть свое господство, не допустит. Он в конституции провозглашает свою диктатуру, свое единовластие²⁾.

равление назначаться всем обществом или только местными управлениями,—это безразлично (курсив мой А. Г.). Эти вопросы впоследствии не будут иметь того значения, которое они имеют теперь, ибо дело будет состоять не в замещении должностей, доставляющих особую честь, большую власть и влияние и более высокий доход, а в доверии, которым будут наделяться наиболее способные, все равно мужчина или женщина, сменяемые или вновь избираемые, смотря по потребности и благоусмотрению избирателей. Все должности будут занимать лишь временно... Таким образом, это управление, покоящееся на самом широком демократическом основании, коренным образом отличается от нынешнего. (А. Bebel, Die Frau und der Socialismus, 1918, стр. 376).

¹⁾ Ср. К. Каутский. Путь к власти: „Государственная власть есть орган классового господства. Но классовые противоречия между пролетариатом и имущими классами настолько сильны, что пролетариат никогда не может править в государстве совместно с одним из имущих классов... Маркс и Энгельс... выковали понятие диктатуры пролетариата, которую Энгельс в 1891 году незадолго до своей смерти упорно отстаивал,—понятие о политическом единовластии пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть (Русск. пер. 1918 г. стр. 8—9).

Он говорит, что вся власть принадлежит только рабочему населению. И он не допускает к осуществлению власти в какой бы то ни было форме имущие классы, нерабочее население, паразитические элементы общества, которым стоит только отказаться от своих привилегий, войти в ряды рабочего населения, чтобы получить равные права. Но зато к участию во власти призывается все без исключения проживающее в России рабочее население, достигшее 18-ти летнего возраста без различия пола, национальности, вероисповедания, оседлости, и т. п. и даже без различия государственной принадлежности (ст. 10, 64 и 65 Конституции).

Буржуазия в своих революционных конституциях провозглашала права человека и гражданина. Но об этих правах Маркс писал еще более 70 лет тому назад («К еврейскому вопросу»): «Человеческие права не освобождают человека от собственности, а предоставляют ему свободу собственности, не освобождают его от грязной погоды за наживой, а только наделяют его свободой промысла». Устанавливая в этих декларациях прав человека и гражданина различные «свободы», как то: свободу вести, слова, печати, собраний, союзов, обучения, буржуазия тут же ограничивала все эти свободы разными оговорками. Сверх того, свободы эти носили большею частью отрицательный характер—самое большое непрепятствование печатанию, сходкам, соединению в союзы, обучению и т. д. Но что проку, например, для бедных народных масс в принципе свободы собраний, если собираться под открытым небом нельзя, а в закрытых помещениях невозможно, потому ли что нет средств нанимать их, или потому, что хозяева помещений отказываются допускать в них нежелательные народные массы. Что толку для рабочего населения, т. е. для большинства народа в принципе свободы печати, если имущие классы, обладая огромными средствами, засоряют умы населения целым потоком своего печатного материала, а рабочая печать, если не душится цензурой господствующих классов, то не может развиваться за отсутствием необходимых материальных средств, типографий, бумаги, писателей и орудий распространения ее в среде населения. Что проку для подавляющего большинства народа в принципе свободы обучения, если даже, когда не издаются особые правила против «кухаркиных» детей, действительный доступ к знанию закрыт для трудящихся, благодаря изуряющим усло-

виям труда и отсутствию необходимых для учения материальных средств.

Пролетариат поэтому в свое понятие «свобод» вкладывает иное *положительное* содержание. Он прекрасно сознает что окончательная свобода во всех областях жизни установится только с исчезновением господства человека над человеком, с упрощением социалистического строя. Необходимые для осуществления этой цели рабочему классу *орудия воспитания* стремится обеспечить ему первая пролетарская конституция. Пролетарское государство, Р. С. Ф. С. Р. не только провозглашает свободу печати, но «уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране» (ст. 14). Р. С. Ф. С. Р. не только признает «право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п.», но и «предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением» (ст. 15). Р. С. Ф. С. Р. не только провозглашает свободу союзов, но «сломя экономическую и политическую власть имущих классов и тем устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации» (ст. 16). Р. С. Ф. С. Р. не только провозглашает свободу преподавания и обучения, но «ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное и всестороннее бесплатное образование» (ст. 17)¹⁾.

1) Если смотреть на все перечисленные «свободы», как на средства воспитания рабочего класса, а тем самым и всего народа в целях полного и скорейшего осуществления социализма, то едва ли уместна в пролетарской конституции ст. 13, гласящая: «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Авторы параллельного проекта советской конституции весьма решительно протестовали против включения в конституцию этой статьи, которая до *нашего протеста* (см. ст. 5 проекта опубликованного в «Известиях» от 3-го июля) провозглашала религию частным делом и говорила о свободе *только религиозной*,

Буржуазия, провозглашая свои «свободы», торжественно возвещая права человека и гражданина при всяком затруднении ее положения, при всяком народном волнении, угрожавшем интересам этого незначительного меньшинства народа, объявляла осадное положение, отменяла эти «конституционные гарантии», окончательно лишала народ всех этих прав и свобод. Пролетариат же обеспечивает необходимые трудящемуся средства для осуществления социализма в интересах всего рабочего класса, а в потенции, в интересах всего человечества. Он поэтому лишает предоставляемых им средств и орудий воспитания только при извращении смысла предоставляемых «прав», только при «злоупотреблении правом» (*abus de droit*) в ущерб интересам осуществления социализма. Поэтому первая пролетарская конституция постановляет: «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Р. С. Ф. С. Р. лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 23).

Буржуазия в своих конституциях налагала на подавляющее большинство обязанность жертвовать жизнью для защиты (ее — не их) отечества, для защиты интересов небольшой кучки. Пролетариат почетное право защищать социалистическое отечество

но не антирелигиозной пропаганды. «Свобода» религиозной пропаганды не есть орудие воспитания рабочего класса в направлении осуществления социализма. Еще 75 лет тому назад Энгельс писал: «Мы хотим убрать с дороги все, что провозглашается сверхъестественным, сверхчеловеческим, ибо претензия возвести естественное и человеческое в сверхъестественное и сверхчеловеческое является источником всякой лжи и неправды. Именно поэтому мы раз навсегда объявили беспощадную войну религии и религиозным представлениям, причем мы очень мало беспокоимся, назовут ли нас атеистами или еще какнибудь» (*Die Lage Englands, Deutsch Französische Jahrbücher, 1844*). Ср. также *Н. Ленин*: профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой философии т. е. к теологии, — и ревизионисты поддвигались к ним стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному (курсив мой — А. Г.) государству, а по отношению к партии передового класса» («Памяти Карла Маркса», 1918 г. стр. 100). Или наконец *Н. Ленин*, по поводу цитаты из предисловия Энгельса к «Гражданской войне во Франции»: Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству», умышленно направляя удар не в бровь, а в глаз немедному оппортунизму, объявлявшему религию частным делом по отношению к партии и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободолюбившего» мещанства, готового допустить невероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи партийной борьбы против религиозного опиума, оглуляющего народ» (Государство и Революция 1918 г. ст. 71 — 72)

и революцию с *оружием* в руках берет только себе (трудящимся—ст. 19).

Пролетариату самой отсталой, самой запоздавшей страны, пролетариату позднее всех в Европе выступившему на исторической арене, российскому пролетариату—этому младенцу в среде своих старших европейских братьев—первому пришлось облекать в форму государственной конституции способы перехода к социалистическому строю, всечеловеческому братству и свободе. Но.... устами младенцев глаголет истина. И эту изреченную российским пролетариатом светлую, освобождающуюся истину, мы надеемся, его старшие братья во всем мире усвоят, разовьют и совместно, дружно понесут этот факел, освещающий, недавно еще бывшие неясными и темными—пути к социалистическому братству народов, к свободному всечеловеческому социалистическому обществу.

Пролетариат и гражданское право.

Писать в юбилейном сборнике¹⁾, посвященном годовщине непрекращающейся пролетарской революции, о пролетариате и гражданском праве, об отношении пролетариата к гражданскому праву, о том, что сделано пролетариатом в области гражданского права или вернее в области тех отношений, которые в буржуазном строе регулируются гражданским правом,—значит писать обо всей хозяйственной, экономической и даже социальной политике стоящего у власти пролетариата. В самом деле, все производственные, хозяйственные отношения буржуазного государства регулируются по началам гражданского права вообще и входящего в его состав промышленного и торгового права в частности. Буржуазия, сбрасывая во время своих революций, феодально-цеховой гнет, препятствовавший развитию производительных сил, стремилась создать «свободные» условия для развития и укрепления своего класса, для беспрепятственного накопления в своих руках огромных богатств, для всестороннего использования в целях личной наживы всех природных сил, для безмерной эксплуатации необходимой в целях накопления богатств живой рабочей силы, покупаемой и продаваемой в форме своеобразного товара. Она поэтому требовала создания свободной частной собственности на землю со всеми ее принадлежностями, свободного обращения продуктов (чужого труда) в виде товаров, организации взаимных отношений между людьми на почве хозяйства по началам свободы конкуренции, т.-е. свободных (по форме) договоров и соглашений. Для поддержания прочности и непрерывности индивидуального накопления, накопления богатств в руках отдельных лиц она

¹⁾ Статья эта была напечатана в юбилейном сборнике, посвященном годовщине октябрьской революции

отстаивала переход богатств по наследству и свободу завещаний, свободу посмертных распоряжений своим имуществом. Иными словами, буржуазия выставила требование и добилась введения в действие чистого гражданского права, создававшего «свободу» для собственников.

Все материальные и даже духовные потребности людей должны были удовлетворяться по началу свободы конкуренции, личной инициативы. А если эта свобода конкуренции исключалась для очень многих членов общества, если обнаружение инициативы для них делалось невозможным, благодаря отсутствию у них материальных сил, то тем хуже для них. Не для них стремилось подымавшееся третье сословие создать хорошие, «свободные» условия жизни. Оно их готово было вовсе не считать гражданами «свободного», «правового» государства, членами нового общества. Идеологи третьего сословия, идеологи буржуазии не стеснялись заявлять об этом открыто, несмотря на все свои пышные слова о правах человека и гражданина. «Мы все одинаковые люди, говорил Вольтер, но мы не одинаковые члены общества». Учитель Екатерины—Дидро шел дальше, восклицая: «Гражданином делает собственность» (*c'est la propriété qui fait le citoyen*). Окончательно поставил точку над *i* в самый разгар французской буржуазной революции Дюпон-де Немур, при обсуждении избирательного ценза, откровенно ограничивший пределы буржуазного общества: «У кого нет собственности, тот не член общества».

Только для круга собственников создавала буржуазия свои права человека и гражданина, только для них она устанавливала свое «свободное» гражданское право, только в отношениях собственников между собою могла применяться, если вообще применялась, свобода конкуренции. И недаром, характеризую эти буржуазно-революционные права человека, молодой, 27-ми летний Карл Маркс более 70-ти лет тому назад писал (в статье «К еврейскому вопросу»): «Человеческие права не освобождают человека от собственности, а предоставляют ему свободу собственности, не освобождают его от грязной погони за наживой (*vom Schmutze des Erwerbes*), а дают ему свободу промысла.

Но, если в отношениях между собственниками как будто с виду и фигурировала «свобода», свободная конкуренция, свободная инициатива, свободные договорные соглашения, хотя и

здесь там и сям выглядывало чуть прикрытое экономическое принуждение, то в области отношений между буржуазией и трудящимися, между капиталом и трудом, между собственниками, обладавшими имуществом, и рабочими, единственным, неотделимым от них имуществом которых являлась их рабочая сила,— в этих отношениях под видом «свободного» договора, свободного соглашения выступало неприкрытое экономическое принуждение. В этих отношениях буржуазный строй установил странную свободу, которую ему угодно было называть свободой труда, но которую с гораздо большим основанием следовало бы назвать свободой бесграничайшей и самой необузданной эксплуатации труда, свободой не для трудящихся, а для применяющих в целях наживы их труд собственников. И «эта» свобода труда, установленная во вред трудящимся, считалась оплотом буржуазного общества, так что, напр., такой верный страж буржуазного строя, как высший американский суд, упорно не раз признавал неконституционными, противоречащими американской конституции законы, издававшиеся американским конгрессом и так или иначе ставившие хоть какие-нибудь преграды беспредельной эксплуатации труда новых фабрично-заводских рабов.

Во всех областях своей жизни буржуазия установила таким образом начало свободы, не всегда даже по форме искренно, но почти всегда лицемерно по существу. Она требовала, чтобы государство не вмешивалось в эту область отношений, мечтая затаенно о том, что здесь она, пользуясь экономическим преобладанием, сумеет сама за себя постоять, хотя на словах объясняла, что невмешательство государства будет здесь полезно для всех, что из единения разумных эгоизмов отдельных лиц получится всеобщее благополучие, благополучие всего общества. Но, очевидно, что под всеми и под всем обществом она понимала только ту часть общества, которую признавали ее идеологи, упомянутые выше. Всеобщего благополучия не получалось не только в среде «не членов общества»—несобственников, но даже и в среде самих собственников.

Однако, формально-индивидуалистические, частные начала гражданского права оставались незатронутыми долгое время, до выступления на сцену, в виде самостоятельной силы, будущих могильщиков буржуазного строя, пролетариев. Их настоятельные требования положить предел безмерной эксплуатации

труда, грозившей вырождением и вымиранием действительного оплота общества—живой рабочей силы, понудили буржуазию, нехотя и упиравсь, отступить от начал частного права, наложить на него крохотные социальные заплаты. Пролетариат, как класс, таким образом еще в недрах буржуазного общества стал пробивать бреши в стройной по виду системе гражданского права. Идея пролетариата, как класса, заменить неорганизованное, анархическое, разорванное, только бессознательно соединяемое силами, невидными участникам производства, стоящими за их спиной, регулирование (или вернее не регулирование) отношений между людьми, направленных на обеспечение их материальных и духовных потребностей,—сознательной, планомерной организацией возможно более широкого обеспечения удовлетворения этих потребностей, получила здесь свое первое выражение. Окончательное развитие эта идея пролетариата, как класса, может, разумеется, получить только за пределами разрушаемого или разрушенного буржуазного общества, когда вместо прежней основы—частного права собственности и правовых юридических титулов, общество будет построено на едином и цельном фундаменте—труда, когда уже нельзя будет сказать, что не имеющий собственности—не член общества, когда, наоборот, громко и ясно будет провозглашено и станет осуществляться правило: кто не трудится, будучи к труду способен, тот не член общества, не участвует в пользовании теми благами, которые членами общества создаются.

Перед трудовым обществом стоят, следовательно, в особенности на первое время, совершенно иные задачи, чем перед обществом собственников. Трудовое общество не может стремиться к укреплению положения одних за счет ослабления и ухудшения положения других. Оно не знает привилегированных отдельных лиц, оно знает живых людей, в подавляющем большинстве своем способных к труду и, уже без всякого исключения, обладающих известными—могущими все более и более расширяться—материальными и духовными потребностями. Обеспечить надлежащее применение наличной рабочей силы и удовлетворить полностью все людские запросы и потребности—такова основная задача нового, построенного на трудовом начале общества.

Эта задача выполнима путем *планомерной* организации производства и распределения, организации, ясно учитывающей все

наличные и возможные силы, средства и потребности всей людской массы данной местности или, впоследствии, всего человечества. Трудовое общество никоим образом не может, в особенности в начальный период своего существования, сохранить анархию производственных и связанных с ними отношений. Оно, сверх того, никак не может допустить, чтобы в силу случайности юридического титула к отдельным лицам прикреплялись (по началам частной собственности), в их пользу исключительно предназначались совершенно не соответствующие их личным силам и выходящие далеко за пределы их разумных потребностей средства и орудия производства. Оно не может допустить, чтобы случайность рождения, или прихоть, либо даже обдуманное желание живого человека могли служить основанием для приобретения оставленных умершим и ставших ему ненужными благ (по началам наследственного права). Оно не может допустить исключительного присвоения отдельным лицом продуктов умственного труда нередко многих поколений (исключительные права). Оно не может оставить и заботы о рождении и воспитании нового здорового поколения (прежнее семейное и опекуновское право). Одним словом, трудовое общество должно *уничтожить* всю существовавшую в буржуазном обществе частно-правовую форму экономических отношений, всю частно-правовую регулировку отношений имущественных и отчасти личных, — иначе все гражданское право¹⁾.

Такое уничтожение частно-правовой регулировки должно быть произведено пролетариатом в первую голову в отношениях собственности на средства производства и обращения и на имущественные отношения вообще. Удары в этой области должны быть столь сокрушительны, что потрясенное «общество» должно казаться погибающим. «Разруха» является неотъемлемой и неизбежной принадлежностью этих первых приемов пролетарской хозяйственной политики. Недаром, недавно собравшиеся наиболее ожесточенные в настоящее время враги

¹⁾ Ср. Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест: „Все прежние общественные классы, добившись господства, старались упрочить свое положение, распространяя свой способ присвоения на все общество. Пролетариат же могут овладеть общественными производительными силами лишь тогда, когда они уничтожат свой способ присвоения, а тем самым и вообще тот способ присвоения, который господствует в современном обществе. Пролетариат нечего упрочивать: они должны, напротив, разрушить все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения“.

пролетарского режима (сибирское и иные «правительства»), на первом плане поместили в своей программе пункт об «уничтожении разрухи путем ликвидации органов советской власти». Но недаром и Маркс с Энгельсом, еще в «коммунистическом манифесте», набрасывая первые очертания имеющего быть созданным коллективистического строя, писали: «Пролетариат воспользуется своим политическим господством для того, чтобы концентрировать все средства производства в руках государства, т.е. организованного в господствующий класс пролетариата, и возможно скорее увеличить массу производительных сил. Разумеется, это не может быть выполнено вначале иначе, как путем деспотических посягательств на права собственности и на буржуазные производственные отношения, т.е. путем таких мероприятий, которые с экономической точки зрения должны казаться недостижимыми цели и невыносимыми, (курсив мой А. Г.), но которые с дальнейшим ходом вещей перерастут свои собственные рамки, а кроме того, являются неизбежными в качестве средства к коренному преобразованию способа производства».

Таким образом, если пролетариат должен «разрушить все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения», если он должен уничтожить юридические, правовые титулы, служащие случайным основанием такого частного обеспечения и частного обогащения, то, с другой стороны, он должен умножить, увеличить общественное обогащение, возможно скорее и возможно больше увеличить массу производительных сил, дабы иметь возможность предоставить всему населению возможно полное общественное обеспечение всех его постоянно возрастающих материальных и духовных потребностей. И пролетариат не может иначе выполнить эту свою задачу, как путем замены прежнего неорганизованного порядка, при котором тайные, непознанные, стоявшие за спиной производителей отношения, бессознательно диктовали свою волю живым людям, — новой планомерной организацией борьбы, направленной на подчинение природных сил людским потребностям, новой планомерной организацией распределения между людьми, между членами трудового общества, материальных и духовных продуктов, добываемых, разрабатываемых и создаваемых трудом всего общества. В этой последней области провозглашаемые законами, декретами, правовые начала мало пользы принесли бы

делу: здесь необходима огромная длительная организационно-практическая работа.

Пролетариат, следовательно, имеет неотложные задачи в двойном направлении: задачу отрицательную, задачу уничтожения в области частно-правовых титулов (собственности, наследства, договоров и т. д.) и задачу положительную, задачу созидания в области организационного строительства. И эти две задачи пролетариата, организованного в господствующий класс, неразрывно между собою переплетены. Он не может ограничиться отменой частной собственности на готовые и накопленные блага без того, чтобы не позаботиться о надлежащем использовании и распределении этих благ. Он не может ограничиться отменой частных, случайных способов приобретения в целях индивидуального обеспечения средств к жизни без того, чтобы не постараться организовать общее и организованное обеспечение для всех. В буржуазном строе в основу клались индивидуальные способы удовлетворения всяческих потребностей. Не только хлеб насущный приобретался на таких началах. Потребность обеспечения здоровья, врачебная помощь могла быть получена отдельными лицами у отдельных врачей или в больницах, более или менее несомненная помощь талантливых, выдающихся, знающих врачей только за большие деньги, т.-е. только представителями господствующих классов. Удовлетворение потребности знания, полного, более или менее всестороннего образования, доставалось также только имущим. Удовлетворение потребности культурных удовольствий и наслаждений—также достигалось только путем частных, неурегулированных заявлений отдельных лиц (билеты в театры, на выставки, приобретение книг, подписка в библиотеках и т. д.) и за большое вознаграждение. Представительство интересов и защита в судах также давались в усовершенствованном виде, по началу частных соглашений, с щедро оплачиваемыми монополистами-талантами. Массе же, если что-нибудь и доставалось в этой области, то только второго или последнего сорта. Пролетариат же должен организовать дело обеспечения всех этих (поскольку они в новом общественном строе сохраняются) и новых нарождающихся потребностей так, чтобы не отдельные частные лица могли случайно получить удовлетворение, а чтобы удовлетворялся весь трудовой коллектив. Он должен стремиться увеличить до самых широких размеров фонд обеспечения

потребностей, дабы каждый член этого коллектива мог получить полное и всестороннее удовлетворение всех своих потребностей. А пока этот обеспечительный фонд недостаточно обилен, придется давать неполное удовлетворение, но организованное так, чтобы оно давалось всем.

Однако, и на эту первую ступень может не оказаться возможности шагнуть сразу. И приходится поэтому в организации распределения прибегать к мерам половинчатым, к полуорганизованности,—с одной стороны. С другой стороны, организация пролетариата в господствующий класс вовсе не знаменует собою немедленное высвобождение всего трудового коллектива из-под власти идеологии, внушавшейся ему побежденными классами, высвобождение из-под власти идеологии буржуазной и феодальной. Пролетариат в силу самого факта объединения, собирания его в одних и тех же трудовых мастерских, проникался им же порождаемый коллективистической идеологией. Но, покидая мастерскую, он окунался в атмосферу идей и идеок господствующих классов, которые своим постоянным прикосновением, своим постоянным щекотанием, как карлики великана, обессиливали пролетарские массы духовно, прибавляли к материальному порабощению духовное порабощение. Эти, мелкими буравчиками на каждом шагу, в особенности в индивидуальной семейной жизни, впивавшиеся в голову и сердце пролетариев, туманившие их мозг идеологические построения чужих классов, могут быть безболезненно вырваны только в несколько приемов. Здесь, следовательно, также необходимы ступеньчатые, переходные меры, ибо вырывание в один прием могло бы оказать не освобождающее, а обратное действие.

Что же сделал в указанном направлении организованный в господствующий класс российский пролетариат за это столь короткое время (меньше года, ибо, когда пишется эта статья, еще нет годовщины со времени овладения пролетариями аппаратом государственной власти). И в области разрушения и в области созидания, принципиального и компромиссного, сделано так много, несмотря на неслыханно и непредвиденно неблагоприятные окружающие условия, что места для пессимизма быть не может, что без всяких колебаний можно сказать: мы гигантскими шагами приближаемся к тому моменту, когда, если судить по примеру России, каждый живой человек станет дей-

ствительным членом нового, грядущего, вольного, гармоничного и радостного коллектива, имя которому — *человечество*.

За время с февральской до октябрьской революции основы частно-хозяйственного строя остались незатронутыми. Не затрагивались и основы гражданского права. Но лишь только у власти стал пролетариат, как раздался стук разрушительных ударов топора, приложенного к самым корням буржуазного строя. В первые же дни пролетарского переворота была отменена декретом немедленно и без всякого выкупа помещичья собственность на землю. Затем был издан закон о социализации всей земли, которым отменена навсегда всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы, отмена частной собственности относительно всего леса вновь подтверждена позднейшим декретом о лесах от 27-го мая 1918 г. Таким образом, частно-правное прикрепление к отдельным лицам, возможность частно-правного обращения были уничтожены по отношению к одному из главнейших средств производства — к земле со всеми ее принадлежностями. Взамен частно-правного введено зато общественное, организованное распределение между сельско-хозяйственным населением земли, с ее принадлежностями для приложения к ней труда. Совершенно это (организованное) распределение посредством тех же декретов и других, устанавливавших органы распределения — земельные комитеты, а затем земельные отделы совдепов. Усовершенствуется это распределение путем разного рода инструкций, вырабатываемых центральной и местной советской властью, а также в подготовленном к изданию кодексе законов о земле. Кроме того, в целях фактического предоставления возможности прилагать свой труд к земле, был принят в пользу трудящихся целый ряд организационных мер, главнейшие из которых: объявление в монопольном распоряжении республики всех изготовленных и изготавливаемых внутри страны, а также ввозимых из-за границы сельско-хозяйственных машин и орудий, в целях обеспечения сельского хозяйства орудиями производства и удовлетворения нужд трудящегося сельского населения; декрет о создании комитетов деревенской бедноты и снабжении их в числе прочих предметов сельско-хозяйственными орудиями бесплатно или по дешевым ценам; подготовленный к изданию декрет об организации сельско-хозяйственных коммун.

Из частного оборота почти целиком изъяты строения, обеспечивающие, главным образом, потребность в жилье. Сначала, еще в декабре 1917 г., в виде подготовительной меры, запрещены все сделки по продаже, залогу и т. п. всех недвижимостей и земель в городах. Затем в августе 1918 г. было отменено (отмененное уже раз законом о социализации земли) право частной собственности на все застроенные и незастроенные участки в городских поселениях, а в городах, с населением свыше 10,000 человек — на все строения, которые имеют доходность свыше установленной местными советами, при чем частная собственность сохранена лишь постольку, поскольку нет аппарата для передачи мелких строений в руки государства. Кроме того, еще в октябре было предоставлено городским самоуправлениям (или заменившим их совдепам) реквизировать пустующие годные для жилья помещения и вселять (уплотнять) в жилые помещения лиц, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах, установлены размеры помещений (количество комнат и т. д.), на которые могут обитатели претендовать (эта мера была чрезвычайно широко использована местными совдепами). Предоставлены в пользование населения для культурно-просветительных целей во время свободное от занятий все здания и помещения низших, высших и средних учебных заведений. Наконец, создан целый ряд организаций, в том числе комитет государственных сооружений, для развития строительного дела в целях обеспечения населения жильем.

В значительной степени изъяты из частного оборота средства производства добывающей и обрабатывающей крупной промышленности. Сначала, еще в ноябре 1917 г., был установлен рабочий контроль во всех промышленных предприятиях. Затем начались конфискация и объявления собственностью Российской республики, главным образом, за отказ подчиняться рабочему контролю, всего имущества отдельных крупных промышленных предприятий (первыми, еще в декабре 1917 г. были обращены в собственность республики имущества акционерных обществ Богословского и Симского горных округов, Русско-Бельгийского металлургического, «Общества электрического освещения 1886 года», Сергинско-Уфалейского и Кыштымского горного округа и Путиловских заводов). После этого, в виду дальнейшей национализации производства, были прекращены (29-го декабря

1917 г.) платежи дивидендов по акциям и воспрещены все сделки с ценными бумагами. Далее, началась передача в собственность республики промышленных предприятий определенных отраслей: национализированы (7-го марта) спичечные и свечные фабрики, сахарная и нефтяная промышленность (3-го мая и 22-го июня). Наконец, 28-го июня, в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства, были объявлены собственностью Российской Социалистической Республики крупнейшие предприятия всех отраслей промышленности. Кроме того, для организации и развития производства и для обеспечения населения соответственными продуктами, был создан целый ряд учреждений. В целях организации народного хозяйства и выработки общих норм и плана регулирования экономической жизни страны, был создан Высший Совет Народного Хозяйства. Была создана комиссия практиков, которой поручено собирание от всех ведомств, учреждений и организаций заказов на полезные продукты, передача этих заказов безработным и закрываемым заводам и проверка того, насколько предоставление этих заказов и выполнение их проводится в жизнь. Организованы районные и местные советы народного хозяйства для организации и регулирования всей экономической жизни каждого промышленного района, в соответствии с общегосударственными и местными интересами. Для руководства отдельными отраслями промышленности в целях их развития и снабжения Советской Республики и населения соответственными продуктами, организован целый ряд главных комитетов: главный золотой, главный сахарный, главный торфяной, удобрительных туков (в целях организации, поднятия производства и развития в России туковой промышленности и обеспечения населения удобрениями), нефтяной, спичечный (в целях организации и развития в России спичечной промышленности и планомерного снабжения населения спичками), резиновой промышленности, главный комитет лесной политики и древообрабатывающей промышленности (главлес), красочной промышленности (центроокраска), главный угольный комитет, химико-фармацевтической промышленности и др.

Изъято из частного правооборота все транспортное дело почти со всеми подсобными предприятиями. Еще в январе объявлен общенациональной неделимой собственностью Советской

Республики весь торговый флот, затем объявлены государственной собственностью все крупнейшие зернохранилища; наконец, собственностью Российской Социалистической Республики объявлены все крупнейшие предприятия по железнодорожному транспорту. С другой стороны, издан целый ряд постановлений, касающихся развития и усовершенствования транспортного дела. В целях устранения невероятной разрухи в транспортном деле, вызванной демобилизацией царской армии, изданы декреты об охране дорог и об увеличении их провозоспособности, о постройке продовольственных железных дорог. Забота о расширении сети железных дорог возложена и на Комитет Государственных Сооружений. Учрежден отдел водных сообщений для управления торговым морским и речным флотом и водными сообщениями. Созданы дорожные секции при совдепах для организации дорожного строительства.

Изъяты из сферы частного оборота вся внешняя торговля и (в целях непосредственного планомерного доставления продуктов населению), почти вся внутренняя торговля. По закону о социализации земли, торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией, как равно и торговля сельско-хозяйственными машинами и семенами монополизирована органами Советской власти. Затем 23-го апреля национализирована вся внешняя торговля, при чем все торговые сделки по покупке и продаже всякого рода предметов с иностранными государствами и с заграничными фирмами могут производиться только от лица Российской Республики. По отношению к внутренней торговле предпринят целый ряд подготовительных мер к полной ее национализации (общие и для отдельных отраслей торговли), затем отдельные отрасли ее национализированы целиком. Так, объявлены в монопольное распоряжение государства все сельско-хозяйственные машины и орудия. Еще в декабре воспрещена продажа мануфактуры с фабрик частным лицам. Национализированы все предприятия по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями. Созданы комитеты цен для наблюдения за торговлей и за правильным распределением продуктов между населением. Создана «Центроткань», для учета продуктов текстильной промышленности. Постановлено приобрести в распоряжение Р. С. Ф. С. Р. весь наличный запас тканей, имеющихся в пределах республики и всю будущую выработку тканей для правильного распределения

их между населением. Наконец, постановлено, что все ткани, находящиеся в оптовых и фабричных складах в пределах Р. С. Ф. С. Р., поступают в распоряжение государства. Издан декрет об обязательном товарообмене.

Изъято из частного оборота все почти банковое дело. Банки, на частных началах, державшие в своих руках субсидируемые ими торговые, промышленные, транспортные и иные предприятия, были национализированы. Еще в декабре все банки были переданы государству в целях решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом. А в январе конфискованы в пользу Советской Республики все акционерные капиталы бывших частных банков и уничтожены банковые акции.

Для приготовления национализации всего частного страхового дела, установлен государственный контроль над всеми видами несоциального страхования. Создан особый комиссариат по делам страхования и борьбы с огнем. Подготовлен переход всех страховых организаций в руки Советской Республики.

В области приложения труда для получения средств к существованию, почти совершенно устранены частно-правовые начала. Условия труда в частных хозяйствах определяются коллективными (тарифными) условиями, односторонними или двухсторонними, но во всяком случае в окончательном счете зависящими от утверждения их органом Советской власти (Народным Комиссариатом Труда). В советских учреждениях и предприятиях условия труда нормируются также не по началам частного права. Кроме того, принят ряд мер для организации применения труда. Помимо того, что по закону о социализации земли предоставлена (фактически) большинству населения возможность приложения своего труда к земледелию, провозглашена в январьской декларации прав трудящихся и в июльской советской конституции трудовая повинность. Организованы биржи труда для правильного и планомерного распределения рабочей силы.

К обеспечению трудящихся людей, лишенных возможности добывать себе средства к жизни, также предпринят ряд шагов. Созданы и весьма действенно проводятся в жизнь страхование от безработицы и болезни.

Даже удовлетворение духовных потребностей населения и обеспечение его здоровья отчасти организованы планомерно. Правда, делаются только шаги к отмене авторского права и передаче в руки Советской Республики книжного дела, но создано государственное издательство для снабжения книгами трудящегося народа по себестоимости, по льготной цене или даже бесплатно. Правда, еще не национализировано все врачебное дело; но создана инспекция труда для охраны жизни, здоровья и труда всех лиц, занятых какою бы то ни было хозяйственной деятельностью, создан народный комиссариат здравоохранения, санитарно-школьные отделы, организована коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества; вводятся в жизнь национализация аптечного, зубо врачебного дела и т. д. Упразднена либеральная профессия адвокатов, которые давали судебную помощь населению на основании частноправовых сделок и соглашений, и вводится более или менее планомерная организация судебной и правовой помощи населению, поскольку потребность в такой помощи еще может ощущаться. И даже в области обучения и просвещения созданная единая трудовая школа покоится на начале учета всех детей соответственного школьного возраста и обязательного проведения их через эту государственную единую школу.

Уничтожен пролетариатом целый огромный отдел гражданского, буржуазного права—отменено без всяких изъятий право наследования. Даже в тех случаях, когда частная собственность еще не отменена, она перестает быть собственностью, в том смысле, как ее понимает буржуазное право. За пределы жизни ее обладателя она своей тенью отбрасывать не может. Эта отмена посмертного перехода имущества к другим частным лицам, как по распоряжению умершего, так и в силу самого закона, наносит удар самой идее частной собственности, как чего-то могущего вечно, из рода в род, быть прикрепленным к частным лицам. Эта отмена права наследования имеет таким образом огромное воспитательное значение для пролетариев и примыкающих к ним элементов, высвобождая их из под власти собственности, внушенной им буржуазными классами идеологии. Но, отменяя без всякого ограничения право наследования, приходится считаться с отсутствием пока у нас всеобщего социального обеспечения, планомерно для всех организованного, в частности для недостижных или потерявших трудоспособность во-

обще. Считаясь с этим обстоятельством, пришлось создать кустарный суррогат социального обеспечения из имущества умершего в пользу его близких, полагая в основу, однако, не степень близости, а степень нужды и нетрудоспособности.

Пролетариат чрезвычайно видоизменил прежнюю область семейного частного права. Но и в этой области ему пришлось считаться с усиленно привившейся идеологией господствующих классов, с одной стороны, а с другой — с необходимостью раскрытия от сохранившихся в этой области у нас в России обильных следов и пережитков патриархально-феодалного строя. Тем не менее пролетариат у нас совершенно раз'единил семейное право с правом брачным и опекуным, разбив таким образом строй буржуазного семейного права. И в противоположность буржуазному праву, установившему в области брачных отношений начало принуждения (к сохранению уз), постоянства и полового подчинения (женщины мужчине), пролетариат установил здесь крайнюю свободу соединения и расставания, установил полное отсутствие взаимного принудительного подчинения. В семейных отношениях, пролетариат, сохраняя, впредь до создания возможности общественной планомерной организации размножения населения, начала индивидуальной семьи, тем не менее считает один факт происхождения ребенка от данных лиц достаточным для признания за ним соответственных прав и обязанностей по отношению к родителям, разрывая тем самым скрепы парной семьи и подготавливая сознание к признанию равных оснований для распространения общественного попечения на всех детей без различия их происхождения. Организацией образцового опекунского общественного попечения о детях, лишенных родительского попечения, пролетариат подготавливает тот же переход к распространению общественного попечения на всех детей. (В области брачных отношений пролетариат вынужден был установить формальную регистрацию браков перед Советской властью, как меру борьбы с религиозными влияниями, столь сильно противодействующими проникновению пролетариев и к ним примыкающих идеями социализма).

Заканчивая это неполное, по необходимости (тема слишком громадна) обозрение того, что сделано пролетариатом за срок меньше года в области тех отношений, которые в буржуазном строе регулируются (если можно так сказать) гражданским правом, можно смело сказать, что от всего так называемого граждан-

ского права не оставлено почти ничего, что во всех почти областях хозяйственной (главным образом) жизни пролетариат приблизился или далеко пошел по пути приближения к замене планомерной, всех обеспечивающей организацией неорганизованной стихии прежних частно-правных отношений. Это приближение пролетариата к планомерной организации обеспечения удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся масс обнаружено было бы еще гораздо более рельефно, если бы не приходилось ограничиться только мерами и постановлениями центральной пролетарской советской власти, а можно было бы показать, что сделано на местах пролетариями и полупролетариями отчасти во исполнение постановлений центральной власти, отчасти независимо от этих постановлений. Но изложение всей местной работы в указанном направлении завело бы нас слишком далеко. Необходимо пока ограничиться сказанным.

IV.

Отмена наследования *).

Еще более 70 лет назад Маркс и Энгельс указали в «Коммунистическом манифесте», что *пролетариат, достигнув господства*, может в наиболее передовых странах принять ряд мер, ведущих к социализму, в том числе и *отмену права наследования*. Эта отмена наследования рекомендовалась наряду с экспроприацией поземельной собственности, прогрессивно-подходящим налогом, *конфискацией собственности всех эмигрантов и повстанцев*, централизацией в руках государства кредита и путей сообщения, трудовой повинностью, бесплатным общественным воспитанием всех детей и т. п. Словом, имелся в виду не социалистический строй, а переход от буржуазного к социалистическому строю, и именно в этот переходный период рекомендовалось пролетарской власти отменить право наследования, иными словами, сделать частную собственность только пожизненной, до смерти данного лица лишь сохраняющеюся, а затем переходящую в руки пролетарского государства.

Таким образом никто из стоящих на точке зрения «коммунистического манифеста» не может возражать против правильности отмены права наследования советской властью. И только изменники социализма, лица, на словах именующие себя социалистами, а на деле изменившие социализму, заменившие социализм восстановлением господства мелкой или крупной буржуазии,—только такие лже-социалисты могут возражать против декрета об отмене наследования.

Маркс и Энгельс говорили об отмене права наследования в более передовых странах, но, несомненно, что 70 лет тому назад наиболее передовые страны Европы уступали в своем

*). Статья эта была напечатана в журнале «Пролетарская революция и право» — № 2.

развитии современной России или во всяком случае не стояли выше ее.

И к тому же надо добавить, что даже буржуазная мысль и буржуазное законодательство за эти 70 лет значительно двинулись вперед в вопросе о наследственном праве, правда, только в направлении ограничения его, но не полной отмены. Но идея ограничения, развернутая до своего логического конца, превращается в идею о полной отмене частного права наследования. С другой стороны, те ограничения, какие признавали буржуазная наука и буржуазное законодательство, не исходили из какой-либо определенной идеи, не были последовательным выражением определенных требований, представляли собою нечто хаотическое, не находящее себе научного оправдания.

Возьмем, например, существующее в иностранных буржуазных законодательствах ограничение свободы завещаний. В настоящее время мы нередко слышим, что невозможность распорядиться своим имуществом по своему усмотрению на случай своей смерти отобьет всякую охоту имущество собирать, дома строить, капиталы накапливать и т. д. Оставляя в стороне вопрос о том, что наш нынешний строй не заинтересован в буржуазном способе накопления имущества, мы должны указать, что буржуазные законодательства, при наличии известного количества детей, почти полностью (до $\frac{3}{4}$) отменяют свободу завещаний: если у данного лица имеется, напр., трое детей, то он может завещать посторонним только не более $\frac{1}{4}$ своего имущества. Что же при этих условиях может служить для данного лица стимулом для накопления имущества? Свобода распоряжения этим имуществом на случай смерти? Но, ведь, она почти сведена к нулю. Желание обеспечить своих детей? Но, ведь, сам буржуазный законодатель исходит из той идеи, что завещатели своих детей не желают обеспечить, и он *вынуждает* их не отдавать своего имущества на сторону, а предоставлять его, *вопреки их воле*, остающимся в живых детям.

Да и затем здоровое ядро ограничения свободы завещания—желание обеспечить детей—как нелепо оно применяется на практике! Что кладется в основу обеспечения детей? Их несостоятельность или размер имущества родителей? Ничего подобного. В основу расчета той части имущества родителей, которая должна остаться неприкосновенною для детей, кладется число детей, т. е. нечто совершенно случайное, не имеющее никакого отно-

шения ни к имущественному положению детей ни к размерам имущества родителей. Таким образом при малом имуществе умершего ограничение свободы завещания не дает обеспечения его детям, а при больших размерах этого имущества или при состоятельности самих детей ограничение свободы завещаний вовсе не имеет своей целью дать обеспечение и без того обеспеченным детям или же дает им во много раз больше того, что нужно для их обеспечения. Так, например, если остается 1 ребенок, то ему гарантируется одна четверть имущества отца безразлично, оценивается ли это имущество в 1000 франков (когда не только четверть, но и все имущество не может служить достаточным обеспечением ребенку) или в сотни миллионов франков (когда предоставление одной четверти этого имущества одному человеку служит уже не обеспечению его, а чему-то другому). При этом, повторяю, шаблонно гарантируется известная доля имущества умершего безотносительно к состоятельности самого наследника.

Необходимо указать еще на одну непоследовательность. При жизни состоятельные родители или мужья обязаны только доставлять необходимое для жизни содержание своим детям или женам. Но стоит только умереть родителю или мужу, и права его детей или жены неожиданно возрастают до чрезвычайности: они приобретают неотъемлемое право на известную долю имущества умершего, хотя бы при жизни его они, как люди состоятельные, никакого содержания из его имущества получать не имели права. Отсюда нередко порождаются стимулы к искусственному ускорению смерти родителей или супругов, отсюда тайные убийства, отравления и т. д.

Тем не менее буржуазные ученые готовы отстаивать этот порядок наследования, хотя редко где вы найдете у них доказательства справедливости или целесообразности этого порядка.

Буржуазные экономисты, финансисты и государственоведы не остановились, однако, только на ограничении частного права завещания в пользу индивидуальных прав детей и супруга. Они давно уже и в особенности за последнее двадцатипятилетие обнаруживали попытки ограничить частное право наследования в пользу коллектива—государства. В этом направлении идут попытки ограничить круг лиц, призываемых к наследованию по закону, только самыми близкими родственниками, напр., только детьми, родителями да братьями и сестрами, за отсутствием ко-

торых наследственное имущество должно перейти к государству. В этом направлении идут попытки ограничить право завещания в пользу посторонних лиц или более далеких родственников установлением обязательной, неотъемлемой никаким завещательным распоряжением доли государства в имуществе умершего. В этом направлении идут, наконец, попытки построить налог на наследство на таких началах, при которых увеличение налоговых ставок находилось в связи не только с близостью родства наследников, но и с размерами наследственного имущества и со степенью состоятельности самих наследников. Последнее течение в особенности знаменательно тем, что оно в тенденции, в потенции содержит в себе идею о преходе имущества умершего в руки государства за вычетом средств, необходимых для обеспечения ближайших нуждающихся родственников и супруга умершего лица.

Знаменательны в особенности вносившиеся в рейхстаг в 1908 и 1913 гг. германским правительством проекты ограничения права наследования, по которым допускались к наследованию только дети, родители, супруги да братья и сестры. Эти проекты вызвали оживленный обмен мнений в буржуазной юридической литературе, и многие буржуазные юристы пошли еще дальше по пути ограничения наследственных прав. Так напр., берлинский председатель палаты (Senatspräsident) Ринг мог в прошлом году констатировать единогласие только по вопросу о сохранении наследственных прав за нисходящими, родителями и супругом¹⁾. Тот же Ринг свидетельствует: «Опыт войны показал, что во всех слоях населения муж гораздо сильнее беспокоится о судьбе «внебрачной» своей жены, о судьбе происшедших от такой связи детей, чем об участи братьев и сестер и их потомства²⁾. Уже более 25 лет ратующий за коренную реформу наследственного права буржуазный немецкий юрист Бамбергер в своем недавно вышедшем сочинении заявляет: «Вместо боковых родственников (т.-е. и братьев и сестер) законным наследником должно стать государство»³⁾.

В виду возможности отнять у государства его права на имущество умерших путем завещательных распоряжений, многие пошли дальше и требуют установления неотъемлемой наслед-

1) V. Ring, Erbe sei das Vaterland. „Recht und Wirtschaft“, март 1917 г.

2) Там же.

3) G. Bamberger, Erbrecht des Reiches und Erbschaftssteuer. 1917 г.

ственной доли в пользу государства¹⁾. Социалдемократ-реви-
онист *Лео Аронс* в газете «Vorwärts» от 31 декабря 1916 г. повто-
ряет свой проект, уже изложенный им в 1909 г. в журнале
«Sozialistische Monatshefte» и сводящийся к тому, чтобы в за-
мену существующих наследственных пошлин установить пра-
вило, по которому при всяком открытии наследства государ-
ство признается призванным в первую очередь наследником в
определенной неотъемлемой доле.

И против ограничения круга наследников и против уста-
новления неотъемлемой доли государства яростно восстают сто-
ронники наследственной монархии и неизбежности буржуазного
строения. Первые страшатся, что ограничение круга наследников
может поколебать трон и порядок престолонаследия²⁾. Вторые
боятся домогательств неимущих, которые захотят все более рас-
ширять права государства в этой области вплоть до превра-
щения государства в единственного наследника. Так, напр., в
ответ на утверждения цитированного выше *Гейма*, что устано-
вление обязательной, неотъемлемой наследственной доли госу-
дарства окажет воспитательное действие на население, *Герман*
Шелер заявляет: «Воспитательное действие, правда, скажется,
но не так, как это рисует себе Гейм. Гейм желает «воспитать»
ту горсточку людей, которые не имеют законных наследников,
но имеют, что оставить в наследство. Но на самом деле *получат*
воспитание все те, у которых нет никакого наследства ни для
оставления, ни для получения, которые взирают недружелюбно
на капитал, как на представителя исторически неправильного,
а посему и несправедливого государственного и общественного
строения и которые, в особенности при наличности чувствитель-
ного для них налогового бремени и спорного распределения на-
логовых тягот, не поймут, почему государство должно быть
только наследником в обязательной доле и то лишь в узко огра-
ниченном числе исключительных случаев, а не главным или един-
ственным наследником во всех случаях»³⁾.

¹⁾ Ср. напр., «Der Staatspflichtteil», 1909 г. *Heim*, Zur Reform des Erbrechts, Deutsche Juristenzeitung, 1916—S. 296, *Kuczynski und Massfeld*, Der Pflichtteil des Reiches, 1917.

²⁾ Ср. напр., *Hermes*, «Der Gesetzentwurf über des Erbrecht des Staates» 1913 г., цитирующий опасения графа Йорка фон-Вартенберга.

³⁾ *Hermann Schöler*, Erbschaftssteuerfragen, «Deutsche Juristenzeitung», 1917 г.

Другие буржуазные противники назначения государства обязательным наследником в известной доле, руководствуясь, повидимому теми же страхами и опасениями, предлагают заменить обязательную наследственную долю государства особо повышенным налогом на наследство, прогрессивно увеличиваемым в связи с размерами наследства и состоятельностью наследников¹⁾.

Для этих буржуазных юристов, повидимому, самое важное— не задевать института частной собственности, вечной, из рода в род переходящей целиком, а не прекращающейся со смертью собственника хотя бы в части своей. Они готовы на косвенные жертвы без прямого удара самой идее частной собственности. Они за налог, но не за обязательную наследственную долю коллектива—государства. Но они не видят, что предлагаемый ими налог намечает ясные пути к отмене теперешнего права наследования частных лиц и замене его переходом имущества умершего в руки общества с действительным обеспечением возможного содержания нуждающимся близким этого умершего. В самом деле, если в основу повышения этого налога кладется как размер собственного имущества наследников, так и размер наследства, то в идее мы здесь имеем отмену наследования для *ненуждающихся* наследников.

И если такие идеи уже начали появляться и даже господствовать в среде буржуазных писателей, то мудрено ли, что достигший господства пролетариат, что пролетарская власть, которая отнюдь не страшится вызвать шатание тронов и потрясение буржуазного строя, доводит до конца заложенную в отмеченных выше направлениях тенденцию, отменяет целиком частное право наследования как по закону, так и по завещанию. Это и сделано в декрете Ц. И. К. от 27 апреля 1918 г. об отмене наследования.

Этим декретом наносится поражающий на смерть удар институту частной собственности. Она перестает быть чем-то по идее своей вечным, из поколения в поколение, из рода в род переходящим по началам индивидуального права. Частная собственность превращается в максимум—*пожизненное владение*: имущество остается прикрепленным к отдельному лицу самое большее на срок его жизни и не дольше. После же смерти каждого индивидуального обладателя оно становится достоянием не ин-

¹⁾ Ср. напр., цитированных выше Бамбергера и Ринта.

дивидуума, а коллектива—пролетарского государства. Благодаря отмене частного права наследования над институтом частной собственности нависает дамоклов меч кратковременного существования и преходящего значения. Эта отмена права наследования должна поэтому иметь чрезвычайно важное для дела социализма социально-психологическое воспитательное действие, она должна содействовать в весьма значительной степени искоренению собственнических, индивидуалистических инстинктов. Поэтому пролетарская власть, не объявившая еще общей национализации всех предприятий, объявила отмену передачи частной собственности по наследству *без всяких изъятий*.

Необходимо твердо запомнить, что после издания закона об отмене наследования у нас не осталось ничего от института частного наследования, институт этот не сохранился нисколько, ни под каким видом и ни в какой своей части: *все и всякое* имущество умершего становится достоянием Российской Советской Социалистической Республики. И никакого изъятия из этого общего правила у нас не установлено. Не установлено этого изъятия и для мелких имуществ (до 10.000 рублей). Только в виду неудобства для государства брать в свое управление всю огромную массу таких мелких имуществ, государство освобождается от этой обузы, и такие имущества поступают в непосредственное управление и распоряжение известных родственников умершего. Государство вынуждено пренебречь этими мелкими имуществами: *minima non curat praetor*.

Когда в германской буржуазной юридической литературе обсуждались проекты ограничения круга наследников и когда, следовательно, предвиделось, что в руки государства перейдет большое количество наследств, хотя и безконечно меньшее, чем то количество имуществ, которое должно достаться государству, согласно нашему декрету об отмене наследования,—тогда тоже раздавались голоса, что «государству необходимо будет предоставить возможность отказываться от мелких наследств в пользу родственников». ¹⁾

Но, отменяя частное право наследования, нельзя было не считаться с тем, что пока еще существует индивидуалистическая семья, что пока еще не проводится в жизнь бесплатное общественное воспитание детей, что пока еще не осуществлено

1) См., напр. *V. Ring*, цит. соч.

на деле социальное обеспечение всех нуждающихся нетрудоспособных членов общества. Поэтому впредь до проведения в жизнь всех указанных мер социального обеспечения сохранен некоторый суррогат случайного, кустарного, индивидуального обеспечения из имущества умершего его ближайших нуждающихся и нетрудоспособных родственников, а также и супруга. При этом обеспечение дается гораздо более широкому кругу лиц и с гораздо большей вероятностью, чем на основании прежних законов о наследовании.

Во-первых, никакой разницы не делается между родством брачным и внебрачным. По прежним нашим законам внебрачный ребенок, имевший кое-какие права на поддержку со стороны отца при жизни последнего, немедленно лишался всех этих прав в случае смерти отца. По декрету об отмене наследования такой ребенок не лишается права на получение содержания и из имущества умершего отца своего.

Во-вторых, раньше кредиторы умершего получали свои долги в первую очередь, и наследники могли нередко уйти ни с чем. По декрету же об отмене наследования право немущих и нетрудоспособных родственников умершего на содержание, право на поддержание своей жизни справедливо признается более священным правом, чем право кредиторов: последние удовлетворяются только в том случае, если притязания нуждающихся и нетрудоспособных родственников на содержание могут быть удовлетворены. А при удовлетворении самих нуждающихся родственников принимается во внимание в первую голову не близость их родства, а степень их нужды.

Если отменяется вообще какой-нибудь правовой институт целиком и без остатка, то смешно было бы требовать, чтобы эта отмена не имела обратной силы, насколько возможно это начало обратного действия закона применить на практике, и, разумеется, что с воза упало, то пропало, окончательно установившихся в прошедшем, закончившихся отношений воротить невозможно: *quæta pop movete*. Если, напр., отменяется крепостное право, то смешно требовать, чтобы эта отмена означала только воспрещение устанавливать крепостные отношения в будущем, а все прежние «приобретенные» крепостные права должны остаться незатронутыми. Если отменяется рабство, то отмена эта имеет обратную силу по отношению ко всем приобретенным на рабов «правам». Если отменяется частная соб-

ственность на землю, то, разумеется, отменяются и все связанные с этой частной собственностью притязания, прекращаются и уничтожаются все прежние судебные споры, связанные с правом частной собственности на землю. Если отменяется право наследования, как институт права, то смешно требовать, чтобы суды в чем бы то ни было подтверждали частно-правные притязания, вытекающие из этого отмененного, уничтоженного института, как такового. Вот почему ст. X декрета об отмене наследования гласит: «Настоящий декрет имеет обратную силу по отношению ко всем наследствам, открывшимся до его издания, если они еще не приобретены наследниками, или, хотя и приобретены, но еще не поступили в их владение».

Таковы основные начала, на которых построен социалистический декрет об отмене наследования.

Детальное осуществление новой огромной задачи доставления содержания нуждающимся и нетрудоспособным родственникам умершего из его имущества должно быть выполнено как на основании самого декрета об отмене наследования, так и на основании изданной и имеющих быть изданными инструкций о введении в действие этого декрета.

Вопросы, касающиеся этой части декрета и инструкции, заслуживают особого рассмотрения.

О браках и разводах¹⁾.

Изданный революционной властью декрет о браках и разводах, казалось бы, не мог рассчитывать, в особенности на первое время, при неустанных попытках свалить эту власть и вдобавок в старообрядческой первопрестольной Москве, на успешное применение его в жизни.

На самом же деле оказалось иное. В Москве не только усиленно разводятся, но и не менее усиленно совершают браки перед лицом гражданской, светской власти.

Мои сотрудники по работе в Народном Комиссариате Юстиции К. Е. Гордон и Н. И. Скворцов собрали данные о браках и разводах в г. Москве за первые 7—8 месяцев действия декрета о браке и разводе. Этими данными и некоторыми, вытекающими из них выводами, я и собираюсь поделиться с читателями нашего журнала.

Количество браков, регистрируемых перед лицом светской, гражданской власти (употребляю это прежнее противопоставление, несмотря на то, что духовной, церковной власти у нас более не существует) беспрерывно возрастает.

Декрет о браке и разводе был издан 20-го декабря 1917 года. И уже в январе совершались браки перед лицом гражданской, светской (советской) власти. Правда, сначала число этих браков весьма незначительно. Население еще не верило в существование, а тем более в прочность власти, издавшей декрет о гражданском браке.

Во всех московских районах (Алексеевском, Басманном, Бутырском, Гордском, Замоскворецком, Преображенском, Пресненском, Рогожско-Симоновском, Сокольничьем, Мещанском, Су-

¹⁾ Статья эта была помещена в журнале „Пролетарская революция и право“ № 5—6.

щево-Марьинском и Хамовническом) в январе было зарегистрировано гражданских браков 8, в феврале—9 (правда, в феврале было всего 15 дней), в марте—77, в апреле—120, в мае—214, в июне—232, в июле—331, в течение первых трех недель (данные собирались в 20-х числах) августа—325. Всего в Москве, за неполных 8 месяцев зарегистрировано браков—1316. В мае ровно столько же, сколько за 4 предшествовавших месяца, в течение последних двух незаконченных месяцев—почти ровно столько же, сколько за *шесть* предшествовавших месяцев. Если бы имелись данные по конец августа, то оказалось бы, что за последние два месяца зарегистрировано браков гораздо больше, чем за все шесть предшествовавших месяцев.

Декрет о гражданском браке в противовес браку церковному проводится в московской жизни весьма основательно. Количество регистрируемых светских браков растет непрерывно, значительно увеличиваясь с каждым месяцем.

Еще более интересные данные имеются по отношению к разводам.

Данные о разводах в Москве были получены путем осмотра дел во всех 57 судебных районах Москвы, а также наведения справок в нотариальных отделах.

По отношению к разводам можно отчасти наблюдать ту же картину, что и по отношению к бракосочетаниям. Пока у населения еще не было достаточно уверенности в прочности существующей советской власти и в применимости ее декретов, число разводов было незначительным. Но, с другой стороны, в отличие от регистрируемых браков, число разводов уже достигло своего апогея и, повидимому, насколько можно судить по собранным за первые 7-месяцев данным, уже идет на убыль. По всей вероятности, гнойный нарыв ненормальных семейных отношений, долгое время встречавший неодолимые препятствия для своего вскрытия, лопнул; процесс его очищения пошел весьма бурным темпом, и теперь наступают менее ненормальные проявления брачной жизни.

Декрет о разводе был издан 20-го декабря 1917 г. И уже в декабре встречаются заявления о разводе—2 заявления было подано в рогожском судебном районе. В январе во всех судебных районах Москвы было подано 98 заявлений, в феврале—384, в марте—981, в апреле—1053, в мае—980, в июне—804, в июле—611; всего за 7 месяцев по всем судебным районам Москвы

4913 заявлений. Из них уже к концу июля удовлетворено—3401 заявление, прекращено дел о разводе—118. Кроме того, в нотариальных отделах состоялось разводов по обоюдному согласию: за май—8, за июнь—9, за июль—14. До открытия деятельности нотариальных отделов состоялось несколько разводов по обоюдному согласию в районных отделах записей браков (точное число установить трудно, в виду неурядков в делопроизводстве соответственных учреждений за первые месяцы сего года).

Таким образом, дел о разводе начато в первые 7 месяцев действия декрета около 5000. Но число подаваемых в районные суды просьб о разводе достигло своего апогея в марте, апреле и мае месяцах.

Предоставление права развода по желанию одного из супругов всегда вызывало возражение в том смысле, что это право будет использовано исключительно мужчинами (мужьями) в ущерб интересам слабых женщин (жен), которые, таким образом, подчиняются грубому произволу своих мужей. Оправдались ли эти возражения на практике? Какой ответ дают цифры и данные, имеющиеся в нашем распоряжении за эти первые 7 месяцев?

На первый взгляд может показаться, что количество разводов по обоюдному согласию супругов весьма невелико. В самом деле, в нотариальных отделах таких разводов зарегистрировано всего 31, несколько десятков зарегистрировано в отделах записи браков, а из 4913 заявлений о разводе, поступивших в районные суды, от обоих супругов одновременно поступило заявлений всего 54, или только 1,1% всего числа заявлений.

Но ничтожное количество разводов по обоюдному согласию в нотариальных отделах объясняется разными причинами. Прежде всего, население считает более прочным развод судебный, и поэтому предпочитает обращаться в суд, а не в нотариальные отделы. С другой стороны, большинство нотариальных отделов отказывается регистрировать разводы по обоюдному согласию прежних церковных браков, отсылая почему-то просителей в суд.

Малое количество поступающих в суды от обоих разводящихся супругов одновременно заявлений о разводе также не свидетельствует о том, что в остальных случаях заявление о разводе, исходящее только от одного из разводящихся супругов, не основано на обоюдном их соглашении. Если закон дает право

разводиться как по обоюдному согласию, так и по одностороннему желанию одного из супругов, то супруги, желающие развестись, для упрощения дела весьма часто могут столкнуться на том, чтобы инициатива формально исходила только от одного из них, чтобы заявление о желании развестись было подписано только одним из них (чаще — более свыкшимся с судом мужчиною).

Поэтому то обстоятельство, что из 4913 заявлений о разводе, поданных в районные суды, от жен поступило 1477, или 30,1% общего числа, а от мужей—3382, или 68,8%,—само по себе еще не может служить доказательством того, что односторонний развод по желанию мужа вдвое чаще такого развода со стороны жены. И если бы даже считаться только с этими голыми цифрами, то число разводов по инициативе жен, по инициативе замученных браком слабых женщин, оказалось бы гораздо более значительным, чем того могли ожидать страшившиеся мужского эгоизма, «мужнего засилия» противники развода по одностороннему желанию одного из супругов.

На самом же деле, разводы по действительной инициативе, по действительному одностороннему только желанию гораздо равномернее можно распределить между мужьями и женами, если исключить случаи обоюдного согласия, прикрытые формальной односторонней инициативой, формальным односторонним заявлением. Судьи, перед глазами которых проходят разводящиеся, убеждены и уверяют, что формально односторонняя инициатива развода вовсе не свидетельствует об отсутствии предварительного между супругами соглашения о разводе. Кроме непосредственных наблюдений судей, об этом же свидетельствует тот факт, что в подавляющем большинстве случаев развода по одностороннему заявлению, разводящиеся супруги не заявляют друг к другу никаких претензий о содержании. К тому же разводящиеся в большинстве случаев полагают, что обоюдное заявление должно быть изложено в двух бумагах, оплачено двойными пошлинами и т. д.

Другие статистические данные могут свидетельствовать о том, что односторонние заявления о разводе распределяются более или менее равномерно между мужьями и женами, что «мужнего засилия» здесь не наблюдается.

Согласно 4 и 5 статьям декрета о расторжении браков, при неизвестности места жительства супруга, подлежащего вы-

зову, производится публикация в местной правительственной газете, и при неявке супруга-ответчика в течение двух месяцев, производится заочное разбирательство. И вот, в московских, а затем в центральных «Известиях», до конца июля напечатано таких публикаций от одних московских жителей 1192 (этим отчасти объясняется значительное количество нерешенных судебных дел о разводе). Эта цифра на первый взгляд может ужаснуть. Можно подумать, что в одной Москве имелось не менее 1192 супругов, *не знавших даже*, где их супруги живут, и тем не менее, по старым законам, вынужденных считаться связанными узами брака. На самом же деле этой цифрой публикаций, в значительной ее части, прикрывается совершенно иное явление. При односторонней просьбе о разводе, просьба эта (ст. 2 декрета) должна подаваться не по месту жительства просителя, а по месту жительства другого супруга. И вот, при раздельном жительстве супругов в разных городах, супруг, желающий развестись, обходит неудобный для него закон о предъявлении иска о разводе в другом городе, где живет другой супруг, и заявляет, что ему неизвестно, где живет его супруг. А так как в этом случае (ст. 4 декрета) он может предъявить этот иск по месту своего жительства, обязуясь только сообщить последнее известное ему место жительства другого супруга, то такие иски с публикациями в подавляющем своем большинстве являются исками о разводе по **одностороннему** желанию супруга, хотя и знающего, где другой его супруг проживает, но живущего от него раздельно (в другом городе). И оказывается, что из этих 1192 исков о разводе с публикациями женами предъявлено 513, т.-е. 43%, или немногим менее половины общего числа.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правом разводиться по одностороннему желанию пользуются почти в одинаковой мере, как «сильный», так и «слабый» пол.

Следует прибавить, что «слабый» пол ведет себя отчасти агрессивнее мужей, легче «раскаивается» в своем желании развестись. Так, из 118 случаев прекращения дел о разводе, подавляющее большинство прекращено по причине обратного взятия просьбы о разводе, и почти во всех случаях просьба берется обратно заявившей ее женою.

Что касается до последствий, связанных с разводом, то ввиду необходимости для этой цели **разбираться во всех подлин-**

ных делах о разводе, не удалось еще получить исчерпывающих данных. Такая работа, основанная в особенности на всех данных, имеющихся, хотя бы в московских и питерских учреждениях, представляла бы большой интерес.

Пока в Москве было обследовано 7 судебных камер: Кузнецкая, Сухаревская, Мешанская, Спасская, Рождественская, Сретенская и Якиманская. В эти камеры было подано заявлений о разводе 536, удовлетворено 321. И крайне редко—в одном случае из семи—иски о разводе связаны с иском о содержании. Во всех этих камерах всего удовлетворено 49 таких исков о содержании. При чем не имелось ни одного случая присуждения содержания разведенному мужу и всего 3 случая, т.-е. менее 1% общего количества удовлетворенных исков о разводе, в которых муж присуждался к выдаче содержания жене. Но и из этих трех случаев два представляют собою дележ общего имущества, и только в одном единственном случае—на 321 развод—выдача содержания обусловлена болезненным состоянием жены.

Вообще разводящиеся супруги крайне редко, как уже отмечено выше, предъявляют друг к другу денежные претензии, в особенности при отсутствии у них детей. А разводы при наличии детей составляют ничтожный процент общего количества разводов. В остальных 46 случаях обязанность выдачи содержания устанавливалась в пользу детей и возлагалась на отца, при чем дети отдавались матери. Такого случая, чтобы обязанность давать содержание детям, оставляемым у отца, возлагалась на мать—не было. В частности, в случае раздела детей между родителями (таких случаев было не более 5) обязанность давать содержание детям, оставляемым у другого родителя, формально ни на кого не возлагалась.

Размер устанавливаемого в пользу детей содержания обычно определялся добровольным соглашением родителей. Размер этого содержания колеблется от 25 до 75 рублей в месяц на каждого ребенка. Только в двух случаях отец обязался уплачивать по 100 рублей, а в одном случае родители условились об уплате отцом по 3 рубля в месяц на каждого ребенка.

Последнее соглашение, при современной цене рубля, является прямым издевательством над правом ребенка получать содержание от родителей, и возможность таких каррикатурных или вернее фиктивных сделок между родителями вызывает необходимость не отнимать у ребенка права самостоятельно требовать

приличного содержания от родителей, несмотря на состоявшееся между ними нарушающее права ребенка соглашение.

В редких случаях, когда сторонами не достигалось соглашение о размере содержания в пользу детей, суд обычно при- суждает выдавать содержание в размере известной доли заработка родителя, напр., $\frac{1}{3}$ заработка на содержание одного ребенка. Было четыре случая, когда отец обязался выплачивать содержание детям не сейчас, а с отсрочкой по возвращении с фронта и устройстве на месте.

Количество соглашений о содержании детей, по всей вероятности, не исчерпывается теми соглашениями, которые зарегистрированы судьями. Среди разводящихся встречается не мало весьма зажиточных людей (даже бывшей знати), и скромные предельные размеры соглашений о содержании заставляют думать, что число внесудебных соглашений о содержании детей не очень незначительно.

Вот те немногие выводы, которые можно пока, кажется, сделать на основании имеющегося в нашем распоряжении материала.

VI.

Первый кодекс законов Р. С. Ф. С. Р.¹⁾

Не прошло еще и года, не отразднована еще годовщина пролетарской октябрьской революции. За этот короткий срок пролетариату российской социалистической республики пришлось напрячь все свои силы для отражения неслыханных и ожесточеннейших нападений извне и изнутри. Но, ведя эту яростную оборонительную борьбу против всего мира врагов своих, пролетариат России нашел в себе достаточно сил и для творческой созидательной работы в направлении осуществлений социализма. За этот короткий срок сделано так много; гораздо больше, чем удавалось сделать другим классам, в несправедливо лучших условиях, за многие годы и десятилетия. Стоит перелистать «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства» и можно с изумлением и с радостью убедиться в этом. Сделано так много за эти немногие месяцы, что можно уже попытаться объединить разбросанный в отдельных декретах материал, дополнить пробелы, извлечь основные революционные и социалистические начала, развить их дальше и дать более или менее систематическое и законченное регулирование соответственных отношений, дать кодексы, систематические книги законов Российской Социалистической Федеративной Республики, законов, правда, не социалистических, потому что в упрочившемся социалистическом строе эти законы окажутся излишними, а пролагающих, облегчающих и сокращающих путь к социализму.

Один кодекс таких законов, законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве уже принят Ц. И. К. Советов 16-го сентября. Другие—подготовлены

¹⁾ Эта статья была напечатана в журнале „Пролетарская революция и право“. № 7.

и готовятся к рассмотрению. В числе первых намечен к проведению кодекс законов о труде.

Разумеется, издавая кодексы законов, пролетарская власть, насаждающая социализм, не хочет делать этих кодексов чем-то на весьма долгое время рассчитанным; она не хочет создавать «вечных» кодексов или кодексов, которые просуществовали бы века; она не хочет подражать буржуазии, стремившейся закрепить свою власть при помощи таких вечных кодексов, которые и на самом деле просуществовали (как напр. прусский кодекс с 1794 по 1900 г.) или продолжают существовать более века (как напр. французский кодекс 1804 г. или австрийский 1811 г.).

Пролетарская власть строит свои кодексы, как и все свои законы, диалектически, строит их так, чтобы каждый день их существования подрывал необходимость их существования в виде законов власти; ставит целью своих законов сделать излишними законы, подобно тому, как философ Фихте ставил целью существование всякого правительства — сделать правительство излишним. Так напр., советская конституция, построенная на началах политического единовластия, политической диктатуры пролетариата, построена так, что каждый день ее существования, каждый день ее применения, разбивая сопротивление и организацию классов прежних угнетателей и сплачивая бывший угнетенный класс, организуя хозяйство на социалистических началах, уменьшает необходимость существования этой конституции, уменьшает необходимость принудительного единовластия пролетариата и самой принудительной политической власти вообще.

Точно так же и все другие законы и кодексы пролетарских законов должны быть построены так, чтобы каждый день их существования сокращал переходное время от прежнего строя к социалистическому и чтобы таким образом каждый день их существования энергично подтачивал их существование.

Пролетарская власть не может, следовательно, желать, чтобы ее кодексы, ее своды законов носили такой характер, отличались такой каменной неизменностью, как прежние своды законов, косность которых позволила поэту Шелли (в поэме «Ченчи») охарактеризовать одного из своих героев:

...«Точно камень он,
Глухое изваяние, Свод законов,
Устав церковный, а не человек».

Пролетарская власть ясно сознает, что ее кодексы должны быть недолговечны, что они создаются только для переходного короткого времени, которое она страстно стремится всячески сократить. Но это переходное время неизбежно, без него не обойтись, его можно известными мерами стремиться сократить, но через него нельзя перескочить. И весьма часто радикальное на первый взгляд желание совершить прямой скачок в будущее на самом деле оказывается шагом на месте или скачком назад.

Необходимо, однако, добавить, что не все содержание кодексов пролетарской власти станет излишним с окончательным водворением социалистического строя. В этих кодексах, наряду с мерами борьбы против старого строя содержатся и целесообразные организационные нормы, предназначенные выполнять не функции угнетения воли отдельных людей, а функции рационального, разумного учета, организации и распределения материала, сил и средств общества. Эти организационные нормы должны быть сохранены и сохранятся долгое время и в социалистическом обществе, пока они, быть может, превратятся в привычки, инстинкты, бессознательно и автоматически выполняемые или сделаются излишними в виду того, всеобщего изобилия во всех областях жизни человечества, какое создаст социалистическое общество. Несовершенные, быть может, начала таких организационных норм содержатся и в кодексах законов пролетариата. И эти начала обречены не на гибель, а на дальнейшее развитие, на основании того огромного, нового, многообразного опыта, который несет с собой перестройка общества на социалистических началах.

Такие организационные нормы содержатся и в первом кодексе законов Р. С. Ф. С. Р. Отделы, ведущие записи актов гражданского состояния, в частности рождения и смерти, и в особенности центральный отдел, на основании материалов местных отделов, ведущий реестр лиц, ведущий текущую постоянную перепись всего живого населения социалистического государства,—эти организации окажутся необходимыми и в социалистическом обществе, в котором постоянный учет всего живого населения, научное выяснение причин смерти, перенаселения или недостаточности прироста населения и устранение этих причин окажутся гораздо более необходимыми, чем в прежние времена. Быть может, очень скоро содержание этих записей придется изменить (эта мера в кодексе уже сейчас предоста-

влена самому центральному отделу, который должен будет сосредоточить в себе лучшие научные силы статистики). Быть может, через очень короткое время можно будет вычеркнуть целый ряд записей, напр., о регистрации браков, отсутствующих, перемены фамилий, если вместо фамилий будет введены более рациональные, более разумные различия отдельных людей. Быть может, очень скоро опыт социалистического строительства выдвинет целый ряд новых, подлежащих регистрации актов не гражданского, а человеческого состояния. Но все же указанные организации и их функции будут видоизменяться, суживаться или расширяться, а не исчезнут окончательно.

Или возьмем другую область—опекунское право. Опекунская в настоящем кодексе сосредоточена в отделах социального обеспечения. Преведенная опекунская была учреждением феодальным, средневековым, учреждением сословным. Каждое сословие—дворяне, мещане, духовенство и крестьянство—имело свои отдельные опекунские учреждения и своих сословных опекунов. Но и в Европе, где опекунское право стало уже бессословным, опекунские учреждения не заведуют непосредственно опекой; опекой ведают большею частью близкие родственники, возможные наследники, которые поэтому, главным образом назначаются только к имущим богатым подопечным. Эти опекуны должны заботиться о своих подопечных, должны заменять в каждом отдельном случае недостающих отца с матерью, хотя не обладают отцовским или материнским чувством любви к подопечным, хотя во многих случаях, они, как наследники, прямо заинтересованы не в сохранении жизни, а в скорейшей смерти детей, умалишенных и т. д., отданных на их попечение.

Если бы у нас уже окончательно воцарился социалистический строй, мы должны были бы родительскую заботу о детях заменить без всяких изъятий общественной заботой о них. Но мы живем в переходное время. Социализма в законченном виде у нас нет. Поэтому приходится применять меры промежуточные, но такого сорта, чтобы они могли послужить основой для всеобщего социального, общественного попечения о недостижных нормальной трудоспособности или ее потерявших. Покуда существует еще индивидуальная семья, дети, находящиеся на попечении своих родителей, по общему правилу, не отдаются под общественную опеку (если не считать обязательного обучения и т. п. мер). Но зато все дети, лишённые родительского по-

печения, без всякого отношения к тому, есть ли у них имущество или нет, богаты ли они или бедны, отдаются под опеку, отдаются на попечение государственно-общественных учреждений, отделов социального обеспечения, которые осуществляют эту опеку, принимают все нужные меры попечения, по преимуществу непосредственно и могут лишь передоверить в отдельных случаях свои функции отдельным лицам, назначая их опекунами либо к отдельным подопечным, либо к целым группам их. Организация опеки, следовательно, так построена, что она, на расширенной основе, т. е. с распространением ее функций не на часть, а на всех нуждающихся в социальном общественном попечении лиц, может быть сохранена и в окончательно упрочившемся социалистическом строе. Она должна, кроме того, в настоящее переходное время играть воспитательную, показательную, образцовую роль; должна показать родителям, что общественный уход за детьми дает гораздо лучшие результаты, чем частный, индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход отдельных «любящих», но невежественных родителей, не обладающих теми силами, средствами, способностями, какими обладает общество; она должна, таким образом, отучить родителей от той узкой и неразумной любви к детям, которая выражается в стремлении держать их около себя, не выпускать из ограниченного круга семьи, суживать их кругозор и создавать из них не членов великого общества, имя которому — человечество, а таких же себялюбивых, как они сами индивидуалистов, ставящих на первый план свои личные интересы в ущерб интересам общества. Такая организация опеки — революционна, ибо она резко порывает с прежним строем, и социалистична, ибо подготавливает и облегчает меры, которые придется принять в социалистическом строе.

Некоторые другие основные положения этого первого кодекса, напр., о брачном праве, могут на первый взгляд не показаться социалистическими в только что указанном смысле. Особенно резкие нападки при обсуждении этого кодекса были сделаны на институт регистрации брака перед гражданской, светской (советской) властью. Регистрация брака, казенный брак — какой же это социализм, кричали нам. Никакой регистрации не надо. Действительно, в социалистическом строе, говоря словами Каутского (см. его «Размножение и развитие в природе и в обществе», немецк. изд. стр. 255), законное сковывание мужа и жены становится излишним». Но так обстоит дело в упро-

чившимся социалистическом строе. А мы живем в переходное время. И тут то обнаруживается, что, как сказано выше, радикальное на первый взгляд желание совершить прямой скачек в будущее на самом деле оказывается шагом на месте или скачком назад.

Мы не должны забывать не только того, что мы живем в переходное время. Мы не должны забывать и того, что пролетариат в России выступил тогда, когда буржуазия уже перестала быть, из страха перед ним, революционным классом, когда она готова была мириться со всеми пережитками феодального средневековья, что пролетариату приходится поэтому совершать целый ряд революционных переворотов, которые должна была совершить буржуазия, что пролетариат должен вести ожесточенную борьбу не только с ней, но и, вместо нее—с остатками (у нас очень большими) добуржуазного строя. В России пролетариату пришлось впервые отнять у церкви и религии ее государственное значение. И кто из социалистов может и станет спорить, что освобождение населения из-под власти духовенства, религии и церкви есть задача не только революционная, но и социалистическая в смысле облегчения восприятия этим населением идеи социализма, не мирящегося с сверхъестественным и потусторонним, а изгоняющего это сверхъестественное, божественное и потустороннее из последних уголков, куда оно забивается (из философии, истории и т. п.). А что же нам предлагали взамен регистрации брака пролетарской властью? Никакой государственной регистрации не нужно, говорили нам, а соблюдение религиозных обрядов и церемоний допускается при желании обоих вступающих в брак. Иными словами, предлагали вместо борьбы с церковным браком (божественным таинством) оставить все по старому, оставить только один вид гражданского брака, церковно-религиозный. Вот каким образом предложение, радикальное на словах, оказывается реакционнейшим на деле.

Но брачное право кодекса—не только орудие борьбы с религиозно-церковными влияниями на население. Оно революционно и социалистично. Оно резко порывает не только с прежним старым строем наших добуржуазных брачных отношений. Оно устраняет все патриархально-феодальные помехи к браку—разноверие жениха и невесты, религиозные запреты вступать в брак и т. д. Оно устанавливает, насколько это зависит от норм брач-

ного права, полное равноправие мужчины и женщины. Оно освобождает женщину, насколько возможно ее освобождение в переходное время до окончательного упрочения социалистического строя, и тем самым делает женщину восприимчивее к идеям окончательно освобождающего ее социализма. Оно не ставит целью брака рождение детей. Основа семьи — не брак, как было прежде, а действительное происхождение. Не только опекуновское право, но и брачное право, отделено от права семейного. Оно устанавливает полную свободу разводов, не провозглашая, таким образом, брака учреждением пожизненным. Одним словом, всякий день существования таких законов о браке подрывает (насколько это вообще может закон) идею индидуального брака, «законного сковывания мужа и жены».

В области семейного права наш первый кодекс отбрасывает всякие фикции, ставит на первый план действительное положение вещей, действительное происхождение, приучает людей к правдивости, освобождает их от предрассудков, не на словах, а на деле уравнивает в правах всех детей, без различия их происхождения, устанавливая для них легкую возможность это равноправие осуществить.

Каутский в том же месте, которое мы привели выше, говорит: «До тех пор, пока сохраняется товарное производство, законное привязывание мужчины к семье, всегда будет доставлять лучшие экономические условия для воспитания детей, чем безформенная, в любое время по воле одной из сторон расторгимая половая связь, не налагающая на отца никаких обязанностей, или же налагающая на него обязанности только минимальные. Это положение вещей изменится лишь тогда, когда будет установлено общественное производство и место отеческой заботы о детях, займет общественная забота о них. Вместе с тем, законное сковывание мужа и жены станет излишним. Правда, капиталистическое общество сумело сделать это сковывание невыносимым и во многих случаях невыполнимым, но отсюда не излишним».

Мы живем на перевале между капиталистическим и социалистическим обществом. И кодекс переходного времени готовится, поскольку это от него зависит, те условия, при которых сковывание мужа и жены станет совершенно излишним. С одной стороны, он необычайно облегчает расторжение в любое время, по усмотрению одной из сторон, даже официально зарегистри-

рованной любовной связи. Но с другой стороны, одинаково, как при такой, так и при «безформенной» связи, на отца возлагаются равные и отнюдь не минимальные обязанности по отношению к детям. Полное уравнивание в правах всех детей, без различия их происхождения, является, кроме того, подготовительной социально-психологической мерой для распространения на всех детей социального попечения, мерой, подготовляющей социалистический строй в этой области, отнимающей последнюю почву у мещанского брака с его привилегиями, узким семейным своекорыстием, патриархальной замкнутостью и ограниченностью.

СПЛОТУ

Кодекс законов о труде.

Советская республика, республика диктатуры пролетариата, республика трудящихся масс, сломивших гнет капитализма, сбросивших с себя ярмо бесконтрольного наемного рабства,—вступает во второй год своего существования. Этот истекший год во всех областях жизни трудящихся масс Р. С. Ф. С. Р. может считаться за десятилетия. И в особенности в деле урегулирования условий труда. Пора подвести некоторые итоги; пора закрепить некоторые прочно и неотъемлемо завоеванные позиции, чтобы отсюда идти дальше к главной цели—полному освобождению труда и организации его на рациональных началах, дающих возможность полного и всестороннего развития трудящихся членов коллектива, самого широкого удовлетворения всех материальных и духовных потребностей.

Пролетарская революция в России за истекший год впервые дала возможность огромному большинству сельского населения приложить свой труд к земле и пожать плоды этого труда не для других. Контр-революционеры по поводу комитетов деревенской бедноты в один голос заявляют: мы об'ехали несколько губерний и нигде в деревне не видали бедняков,—не понимая и не замечая, что такими своими заявлениями они воздают наилучшую похвалу существующему в Р. С. Ф. Р. С. режиму, устранившему нищету и кабалу в деревне.

Пролетарская власть создает и поддерживает коммуны и коммунистические хозяйства—эти клеточки будущего коллективистского строя.

Но пролетарская власть еще не создала всеобщего коммунистического строя. Она социализировала, сделала достоянием Р. С. Ф. С. Р. главнейшие предприятия важнейших отраслей производства и распределения, оставив менее значительную часть предприятий и хозяйств торгово-промышленного характера в

частных руках. Она сохранила еще труд, если не по найму, то во всяком случае за вознаграждение. Однако, везде—и в частных и в социализированных предприятиях и хозяйствах—положение работников, положение трудящихся коренным образом изменилось. Они, работники, являются определяющим фактором. Они—в лице своих организаций или своей власти играют решающую роль. Во всех областях применения труда в форме организованного сотрудничества дело идет не об эксплуатации, не об извлечении прибыли, а о создании наилучших условий для возможности удовлетворения потребностей работника путем применения его рабочей силы.

Поэтому тенденция всех мер, принимаемых в области труда—возможно меньшее, возможно менее изнурительное напряжение рабочей силы, возможно большее обеспечение безопасности и удобств труда, возможно более широкое удовлетворение всех потребностей трудящихся. И если раньше у нас или в других странах и по сей час рабочие борются за известные условия труда, которые они считают своей, хотя бы и временной целью, то в настоящее время пролетарская власть Р. С. Ф. С. Р. считает те же или еще лучшие условия труда и с каждым пунктом, приобретенной позицией, исходя из которой следует двигать дальше дело освобождения трудящихся уже не столько от гнета и власти людей, сколько от власти пока непобежденной природы, внешней среды.

И в кодексе законов о труде это изменившееся положение трудящихся находит свое внешнее выражение. В нем провозглашается и проводится основное начало нового строя—труд для всех, не только трудовая повинность для всех трудоспособных, но и право на применение труда, то право на труд, которое в рамках буржуазного строя являлось несуществующей утопией.¹⁾

Целый ряд требований рабочих всего мира, осуществление которых—каждого в отдельности—в любой стране торжественно провозглашалось бы огромнейшей победой рабочего класса, в нашем кодексе зафиксированы в виде скромных, весьма мало заметных, вошедших в будущий обиход правил (таковы наир.:

¹⁾ Еще в 1893 г. на кельнском партийном съезде германской социалдемократии Бебель заявил: „По моему твердому убеждению, в современном государстве это „право на труд“ есть бессмыслица. Оно перестало быть бессмыслицей в пролетарском, в советском государстве.“

правила о безработных и выдаче им пособий, правила о выдаче пособий трудящимся во время их болезни и т. д.).

Изменившееся положение работников и задачи переходного времени по организации трудящихся и воспитанию их в духе социализма и коммунизма, также нашли себе выражение, ясно сформулированное в статье V кодекса, гласящей: «В предприятиях и хозяйствах, применяющих труд в форме организованного сотрудничества (п. а, ст. 6, настоящего кодекса), трудящимся должно быть предоставлено под руководством центральной Советской власти самое широкое самоуправление, на котором одном может быть основана плодотворное воспитание трудящихся масс в духе социалистического и коммунистического строя».

Это воздействие во всех случаях имеет только ту цель, какая здесь указана, цель создания наилучших условий существования трудящихся масс, еще не освободившихся от идеологии и психологии отмирающего и отмершего буржуазного строя, от идеологии своекорыстия, индивидуализма и т. д.

Создание наилучших условий труда—не только цель настоящего кодекса законов о труде, но во многих случаях—уже закрепленная и прочно завоеванная позиция, чтобы там ни говорили критики советского режима у нас и за границей, совершенно не считающиеся или не желающие считаться с тем, чего уже достигли в Р. С. Ф. С. Р. трудящиеся массы.

Так например, в знаменитой передовице газеты «Vorwärts» от 17-го октября 1918 г., озаглавленной:—«Правительство Гаазе-Ледебура?», содержатся, между прочим, такие слова: «Перед фантазерами, говорящими о чисто пролетарском правительстве Гаазе-Ледебура или в мыслях своих уже рисующими себе еще гораздо более левое правительство, витает русская картина, которой они не знают. Если бы они ее знали, то и они, по всей вероятности, не думали бы, что этим путем возможно достигнуть чего либо для будущего счастья народа. Большевизм до сих пор, увы, не сделал русский народ счастливым. Сделает ли он его счастливым в будущем,—это еще большой вопрос. Необходимо рассудительно выжидать дальнейших результатов».

Но если мы обратимся к действительности, то увидим, что русской картины не знают не фантазеры, а именно эти трезвые рассудительные люди из газеты «Vorwärts», из газеты Шейдемана, из газеты, заботящейся не о счастье своего трудового

народа, а о спасении Гогенцоллерна. Эти рассудительные люди основательно забыли все требования и достижения прежней германской социалдемократии, оставленные далеко позади в практике советского режима. Они не видят того, что русская деревня за время первый год нигде не голодает.

Покажем же им и напомним хотя бы отчасти, хотя бы на примере регулирования условий труда, чего добивались и добиваются они или еще дальше идущие, что они считали победами, что они восхваляли, в чем усматривали увеличение счастья народа, и что достигнуто у нас при режиме, по их словам, увы, не сделавшем народ счастливым.

Венгерская социалдемократическая партия еще на днях, 10 октября 1918 г. опубликовала воззвание к народу, в котором она, указав на то, что эксплуатируемые, угнетенные и неимущие классы не склонны долше терпеть свое рабство, требует наряду с радикальной аграрной реформой и социализацией крупного производства, всего только пособий безработным солдатам, возвращающимся с фронта. На партийном германской социалдемократии в 1913 году с гордостью было отмечено: (делегатом Франком), что при поддержке либералов удалось добиться для всех баденских городов ассигновки первого взноса в 100.000 марок на организацию страхования от безработицы и (делегатом Тиммом), что свободные профессиональные союзы Германии за 23 года выплатили своим безработным членам 68 миллионов марок, т.-е. в среднем менее 3 миллионов марок в год. На том же партийном утверждали, что в Дании дело страхования от безработицы поставлено отлично: в 1910/11 годах выплачено пособий безработным: государством 766.834 марки, а муниципалитетами 349.948 марок. В Англии, говорили на том же партийном, страхование от безработицы превышает всяких похвал: при наличности закона 1912 г. об обязательном страховании от безработицы, обнимающем 2½ миллиона человек, с января по июнь 1913 г. было выплачено 4,7 миллиона марок (559 тысячам безработных), а взносов от рабочих и работодателей поступило—18 миллионов марок.

У нас же при режиме, увы, не сделавшем русский народ счастливым, на основании правил гораздо менее совершенных, чем содержащиеся в кодексе законов о труде, в одной Москве, за два только месяца—июнь и сентябрь сего года—выплачено пособий безработным около 3 миллионов рублей (2.938.328 р.

64 к.), а в страховой фонд безработных за те же два месяца в одну только кассу безработных города Москвы поступило более 15½ миллионов рублей (15.550.492 р. 15 к.).

На том же партийном съезде указывалось, что в 1912 г. свободные профессиональные союзы всей Германии выдали пособий безработным около 9 миллионов (8.920.342) марок. Если судить по имеющимся данным, то в одной Москве при большевистском режиме за год будет выдана безработным вдвое большая сумма в рублях.

Еще так недавно, в XX веке, на дрезденском партийном съезде германской социалдемократии в 1903 г. Бебель заявил: «Я,разумеется, убежденнейший сторонник восьмичасового рабочего дня. В этом зале нет никого кто-б был бы больше, чем я, убежден в его необходимости; но я говорю вполне откровенно: если бы мы в настоящее время получили десятичасовой рабочий день, мы были бы рады. Поэтому никаких иллюзий, ни в какой области». Эти иллюзии стали у нас обыденным фактом. Факт этот закреплен в кодексе, который (в ст. 84, 85 и 86) от максимального восьмичасового рабочего дня идет дальше, до 7 и 6 часового дня, не ставя никаких преград вниз, в сторону уменьшения рабочего времени. А сверхурочные работы, работа сверх нормального рабочего времени, по общему правилу, не допускаются. И весь советский режим, порвавший столь решительно со строем извлечения максимальной прибыли, служит ручательством тому, что никакие меры, направленные на то, чтобы обойти эти законы об ограничении рабочего времени, меры, в которых так изошрялись законолюбивые представители буржуазии, применяться не будут; что, наоборот, будут приниматься и уже принимаются все меры к тому, чтобы воспрепятствовать трудящимся губительно напрягать свои силы сверх необходимого предела.

В 1877 г. 12 социалдемократических депутатов с Бебелем и Либкнехтом во главе внесли в рейхстаг проект закона, содержащий в себе, между прочим, требование отдыха для беременных в течение трех недель до родов, а для рожениц в течение 6 недель после родов. Партийный съезд германской социалдемократии в 1899 г. в Ганновере принял предложенную К. Цеткин и Л. Браун резолюцию, в которой предлагалось развить самую широкую агитацию между прочим за увеличение срока отдыха для беременных и рожениц—месяц до родов и 2 месяца после разреше-

ния от бремени,—с недопущением врачебных свидетельств, разрешающих работу в эти периоды¹⁾.

Наш кодекс оставил эти требования позади. В течение 8 недель до родов и 8 недель после родов безусловно не допускается работа ни в порядке трудовой повинности, ни в порядке осуществления своего права на труд (ст. 3 и 12 кодекса законов о труде).

На Хемницком партийном съезде германской социалдемократии в 1912 г. правильно было заявлено (делегатом Лапинским): «Посмотрите, что сделано буржуазией для юношества... Если вы обратите внимание на существующие уже 70 лет зачатки социального законодательства, то увидите, что борьба за сокращение на один час эксплуатации детей потребовала 50 лет». На следующем пениском партийном съезде в 1913 году было указано (делегатом Книпримом), что в Германии занято промышленным трудом более полумиллиона детей в возрасте от 8 до 12 лет и 146.000 крошек моложе 8 лет. И тот же партийный съезд передал на обсуждение социалдемократической фракции рейхстага проект закона о воспрещении промыслового труда для детей, недостижных всего только 14-ти летнего возраста.

Наш кодекс закрепляет (ст. 2 и 13) уже существующие постановления о полном и безусловном воспрещении работать за вознаграждение не достигшим 16 лет. Кроме того воспрещен труд в ночное время и в отраслях особо тяжелых или опасных для здоровья всем недостижим 18-летнего возраста и женщинам.

Я мог бы до бесконечности продолжать эти противопоставления упорной и долголетней борьбы, большей частью безрезультатной, рабочих других стран за облегчение их положения и действительного облегчения положения трудящихся Р. С. Ф. С. Р., выраженного в кратких строках кодекса. Но думаю, что и сказанного достаточно для людей, желающих увидеть русскую картину в настоящем свете. В первой статье нашего кодекса законов о труде говорится о том, что он должен быть широ-

¹⁾ И тем не менее в 1911 г. на пенинской женской конференции Луизе Ципп пришлось заявить: „Сотни тысяч женщин, с организмом, извивающимся от боли, вынужден работать до последней минуты; в Пруссии 128 тысяч женщин вынуждены рожать без помощи акушерки или врача и вскоре после родов, подгоняемые нуждой, опять идти на работу. Из всего материнского счастья у них остаются только ряды детских могил“.

ко распространен в среде трудящегося населения всеми местными органами советской власти и выставлен во всех советских учреждениях на видном месте. Трудящееся население должно изучить наизусть его содержание и это послужит для него наилучшим средством, разъясняющим ему действительные его завоевания. Но кодекс этот, переведенный на другие языки, должен быть распространен и в среде трудящихся масс других стран. И тогда фантазеры, говорящие о чисто пролетарском правительстве, получают новый толчок, новый стимул подражать тому режиму, о котором люди из газеты «Vorwärts» говорят с лицемерною скорбью, что он, увы, не сделал счастливым русский народ, подражать тому режиму, который в один год, несмотря на неслыханно ожесточенную борьбу, которую ему пришлось и приходится вести с бесчисленными врагами, сделал для счастья рабочего люда больше, чем сделали или даже пытались сделать рабочие других стран за десятки лет.

VIII.

О Туркестанской конституции

I.

Во время пребывания чрезвычайной делегации Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской Республики в Москве был составлен проект конституции для Туркестана.

В объяснительной записке к проекту, составленному чрезвычайной делегацией Ц. И. К. Туркестанской республики, вполне правильно указано, что конфликты и трения между туркестанской и общеделегативной властью не могут быть принципиальными, ибо задача местной краевой власти та же, что и центральной: осуществление в границах края социалистического строя.

И в Туркестане и в остальной части федерации существует советский строй, строй диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, т.е. наиболее активной и прогрессивной части трудящихся масс. Эта диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства согласно ст. 9 Конституции Р. С. Ф. С. Р. должна осуществляться в виде мощной всероссийской советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма.

Мощная всероссийская власть отнюдь не противоречит автономии областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, к числу которых может быть отнесен и Туркестан. Согласно 11 статьи Конституции Р. С. Ф. С. Р. «советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких, могущих быть образованными областных объединений вообще стоят областные съезды советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные со-

язызы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику».

И так как в Туркестане существуют советы, существует советский строй, этот автономный областной союз входит, может входить на началах федерации в Р. С. Ф. С. Р.

Разумеется, как вхождение в федерацию, так и выход из нее зависят от самого входящего в федерацию автономного областного союза. В любой момент Туркестан может отделиться от общей советской федерации. В любой момент он может потребовать обратного вхождения в нее. Строго говоря, как первый так и второй шаг не требует даже согласия остальной части советской федерации.

Правда, трудно представить себе, чтобы когда либо могли оправдаться слова указанной выше объяснительной записки: «Туркестан имеет право выйти из федерации и стать не только автономным, но и вполне самостоятельным государством, когда найдется, что дальнейшее пребывание в федерации не соответствует более интересам рабочего населения и социализма в Туркестане». Но с точки зрения интернационализма и социализма такое убеждение представителей трудящихся масс Туркестана являлось бы достаточным и единственным основанием для выхода Туркестана из советской федерации, из нового интернационала, даже помимо всякого согласия остальных членов федерации. Никакие иные соображения, с точки зрения интернационального социализма, не могут служить основанием для выхода из нового интернационала какой бы то ни было части его, не могут служить оправданием для такого выхода.

С другой стороны, поскольку на той или иной территории существует советский строй и советская власть, ставящая себе целью полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, недопустимым являлся бы со стороны нового интернационала отказ от включения этой территории в свой состав. Заявления полномочных советских представителей такой территории об их вхождении, о включении ими новой советской области в состав интернационала, в состав общей федеративной социалистической Советской Республики, было бы достаточно для того, чтобы эта новая область считалась входящей в состав общей Советской Республики. Никакого отказа от включения ее не могло бы последовать, несогласия на ее включение не могло бы быть

выражено. Могла бы иметь место только проверка того, насколько установившийся в данной области режим действительно ставит себе целью водворение социализма, уничтожение эксплуатации человека человеком. При утвердительном ответе на этот вопрос, волевого решения, отказа или согласия не могло бы быть, да и не требовалось бы. Если немислим был бы отказ, то нет возможности говорить и о согласии.

И если на лицо такие условия, которые делают возможным вступление какой-нибудь области, какой-нибудь нации в состав общей советской федерации, то социалистические руководители этой области должны скорее проповедывать трудовому населению общесоветские начала, чем отстаивать перед общесоветской федерацией какие то особые права своей области. Эта мысль прекрасно выражена в резолюции по национальному вопросу, принятой в январе на конференции австрийских левых социалдемократов, где по этому вопросу сказано: «Социалдемократические партии видят свою благороднейшую задачу не в том, чтобы поддерживать требования своего народа перед интернационалом, но напротив в том, чтобы отстаивать принципы Интернационала перед своим собственным народом».

Нельзя никоим образом поэтому признать правильными ни мотивировки ни формулировки первых статей Туркестанской конституции, составленной чрезвычайной делегацией Ц. И. К. Туркестанской республики. В объяснительной записке чрезвычайная делегация заявляет: «В основном законе (конституции) для Туркестана должна быть ясно выражена та мысль, что Туркестан добровольно и считаясь со своими интересами (курсив мой—А. Г.) входит равноправным членом в Р. С. Ф. С. Р.». Выражение этой мысли в такой форме, с точки зрения интернационального социализма, совершенно недопустимо. Считаясь не со своими интересами а с общими интересами рабочего класса и социализма может входить какая бы то ни было область в состав общесоветской республики.

Правда, это указание *на свои интересы* не включено в самый текст первой статьи проекта Туркестанской конституции, гласящей: «Туркестан является добровольным и равноправным членом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Но и эта формулировка неудовлетворительна. Оставляя даже в стороне совершенно непонятное выражение—*добровольный и равноправный член республики*, необходимо все же

признать, что гораздо правильнее было бы, гораздо более соответствовало бы советскому строю ту же мысль сформулировать так, чтобы ясно было, что *устав нового Интернационала*, конституция советской республики является той общей основой, принимая которую Туркестан включает себя в общую федерацию советских республик.

Статья первая Туркестанской Советской Конституции должна бы поэтому гласить: Туркестан входит на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, на общих основах ее конституции.

Вторая статья проекта Туркестанской конституции еще менее удовлетворительна. Она гласит: «Туркестан имеет право свободного выхода из Федерации, помимо согласия на этот выход остальных членов ее и обратного вхождения в Федерацию с согласия прочих членов ее». Вторая половина этой статьи, ясно для всякого, совершенно излишня и к тому же, как показано выше (по вопросу о согласии Федерации—Интернационала), неправильна и противоречит идеям Интернационального социализма. Неясно также, как понимать требование согласия прочих членов Федерации: означает ли это, что требуется согласие *всех* прочих членов Федерации или только их большинства. Но и первая половина этой статьи излишня. Правильное ядро заложенной в ней идеи достаточно выражено в первой статье, изложенной в нашей формулировке. В самом деле, если Туркестан входит на началах федерации и на общих основах конституции Р. С. Ф. С. Р. в состав последней, а этой конституции в корне противоречит удержание в своем составе частей республики, ставящих себе совершенно противоположные цели—водворение социализма и противодействие социализму, то особо оговаривать право выхода из Федерации не приходится. Выход по произволу, без наличности особых оснований, а никаких особых оснований текст 2-ой статьи не требует, разумеется, не может найти себе оправдания и поэтому не может быть санкционирован и в тексте конституции. Но и указание в самом тексте конституции того основания для выхода из Федерации, о котором говорится в объяснительной записке, а именно убеждения в том, что дальнейшее пребывание в Федерации не соответствует более интересам рабочего населения и социализма в Туркестане,—такое указание также неуместно.

В самом деле, если в настоящее время советский строй и советская конституция признаются Туркестаном соответствующими интересам рабочего населения и социализма вообще, а в Туркестане в частности, то изменение может произойти не во взглядах Советского Туркестана на этот вопрос. Предполагаются, следовательно, изменения иного рода. Предполагается, что Федерация может захотеть изменить свой строй, вернуться вспять к строю буржуазному и, следовательно, к отрицанию права полного отделения частей ее. Но в таком случае формулировка в тексте права выхода из Федерации опять таки ничего не прибавила бы к содержанию первой статьи в нашей редакции. А засим возможно ли предполагать и заявлять в конституции, что отказ от водворения социализма последует со стороны более прогрессивной, более передовой части Федерации и что отсталая часть Федерации должна обеспечить себе на этот случай возможность свободного выхода из последней. Для чего? Для того, чтобы самостоятельно водворять у себя социализм?

Эта ормулировка статьи 2-ой проекта является перепевом буржуазных формулировок и самым резким образом противоречит принципам интернационального социализма.

II.

Эти две статьи проекта Туркестанской Конституции, которые только что разобраны нами, составителям проекта угодно было назвать юридическими (правовыми) гарантиями. На самом деле, как мы видели, оказывается, что это вовсе не юридические гарантии, что это вовсе не гарантии вообще, а неправильные принципы, коренным образом противоречащие идеям интернационального социализма. Но авторам проекта мало показалось того, что они назвали юридическими (правовыми) гарантиями. Они требуют еще других гарантий, которые они называют сначала политическими (фактическими), отождествляя эти гарантии политические и фактические; затем в дальнейшем эти гарантии начинают называться политическими и фактическими; наконец, выставляется требование о том, что эти политические и фактические гарантии должны быть облечены в юридическую форму. Иными словами, на самом деле, по форме, требуется ими включение в конституции целого ряда правил, юридических норм, большая часть которых совершенно разры-

вает всякие федеративные узы между Туркестаном и остальной частью Федерации, а другая часть построена на мысли, что Туркестан должен получать очень много от Федерации, не давая ничего взамен.

Обратимся к концу проекта конституции, к двум ее последним разделам, озаглавленным: «О законодательстве» и «предупреждение и разрешение конфликтов между местной и центральной властью». Необходимо подчеркнуть то, что для всякого должно быть ясным и бесспорным с самого начала, а именно, что вхождение в федерацию к чему нибудь обязывает, что последствия, какие влечет за собою вхождение в федерацию, не могут быть точь в точь такими же, как если бы Туркестан оставался совершенно отдельным, вполне самостоятельным государством.

Чего же требуют составители проекта Туркестанской конституции? Если имеется общедоделативная власть, то, разумеется, должны иметься и определенная область деятельности этой общедоделативной власти, ею исключительно осуществляемая, и результаты этой деятельности должны быть для всех частей федерации равно обязательными. Можно, конечно, спорить о сфере компетенции общедоделативной и местной власти, можно расширять или суживать пределы общедоделативной для всей федерации доделативной власти. Но отрицать какую бы то ни было общедоделативную власть общедоделативной власти, это значит отрицать как всякий смысл существования федерации, так и самую федерацию.

Поэтому, если желать дать образец и прообразец для отдельных конституций будущих составных частей советской федерации—а таково именно желание составителей проекта, выраженное в объяснительной к нему записке,—то следовало бы выработать более или менее точное разграничение сферы компетенции общедоделативной и местной власти и по установлении такого разграничения, то, что отнесено к исключительно ведению общедоделативной власти, уже никоим образом не ставить под вето местной власти. Составители проекта Туркестанской конституции, середину и большую часть своего проекта посвящают сфере компетенции общедоделативной и местной власти, смешивая в этой части своего проекта самые различные правила, в том числе и вовсе к разграничению сферы компетенции отношения не имеющие, а с другой стороны не

дав более или менее определенного разграничения областей самостоятельной деятельности общесоюзной и местной власти. И после перечисления всего того, что они объединили под названием сферы компетенции общесоюзной и местной власти, они в следующем разделе заявляют в сущности, что никакой буквально никакой области самостоятельной деятельности общесоюзной власти они признавать не хотят, что они область самостоятельной деятельности общесоюзной власти сводят к нулю, что они хотят обратить ее в частное учреждение, разрабатывающее для местной власти разного рода *проекты*, которые эта местная власть вольна утверждать или не утверждать.

Статья первая (и примечание к ней) раздела о законодательстве гласит: «Все общесоюзные декреты вступают в Туркестане в силу не ранее, как после формального утверждения их местным Ц. И. К. или крайевым съездом Советов. Краевым съездом Советов утверждаются только декреты общесоюзной власти, которые Туркестанский Ц. И. К. признает невозможным утвердить своею собственной властью». Эта статья и примечание к ней совершенно отрицают всякое существование федерации. Здесь говорится об *общесоюзных* декретах, т.-е. о декретах, относящихся к области деятельности общесоюзной власти, а не местной власти. И тем не менее заявляется, что они не вступают в силу в крае, если их формально не утвердит местная власть. Как и когда вступают или не вступают в силу местные декреты? Если их не утвердит местный Ц. И. К. или крайевой совет, они не вступят в силу. Они вступят в силу, если их утвердит местный Ц. И. К. или крайевой совет. Такова судьба всякого проекта местного декрета, изготовленного для рассмотрения местной высшей власти любым местным учреждением или частным лицом. Но такова же оказывается и судьба *всякого общесоюзного декрета*, т.-е. декрета, изданного высшей общесоюзной властью *в пределах ее компетенции*. Общесоюзная высшая власть приравнивается к частному лицу, т.-е., в смысле власти, к нулю. Такие результаты могли бы получиться в том случае, если бы Туркестан *порвал* всякую связь с общей федерацией. Но если Туркестан *входит* в состав федерации, то таких результатов получаться не может и такие статьи в его конституции недопустимы.

Дальнейшие (2—4) статьи раздела о законодательстве гла-

сят: «Туркестанский краевой с'езд советов, Ц. И. К. и Совнарком имеют право вносить в общедодедративные декреты те изменения, которые они признают необходимыми для более успешного применения их в крае в виду больших его бытовых особенностей. Кроме того, упомянутые высшие органы Советской власти в крае имеют право издавать декреты законодательного и административного характера местного значения. Подчинение этим местным декретам обязательно не только для Туркестанских граждан, но и для прочих граждан Р. С. Ф. С. Р. и иностранцев, пребывающих в крае».

Из этих статей последняя может быть сохранена с некоторыми оговорками в виду того, что она попутно устанавливает особую категорию Туркестанских граждан, противопоставляя их прочим гражданам Р. С. Ф. С. Р. Средняя статья едва ли здесь и в такой форме уместна. При размежевании сферы компетенции общедодедративной и местной власти, следовало бы указать, что постановления и декреты о предметах, отнесенных к сфере компетенции, к кругу деятельности местной власти, издаются такими то и такими то органами местной власти. Наконец, статья вторая, говорящая о бесконтрольном праве вносить изменения в общедодедративные декреты, в том виде, как она здесь изложена, совершенно недопустима и неприемлема, так как, по существу, она вполне совпадает со статьей первой, отличаясь от нее в худшую сторону еще тем, что помимо Ц. И. К. и Краевого с'езда советов, право вносить изменения в общедодедративные декреты предоставляется и местному Совнаркому.

Сами составители проекта, повидимому, понимают, что невозможно предоставить местной власти права бесконтрольного изменения общедодедративных декретов и поэтому в следующем разделе возвращаются к этому вопросу, говоря о разрешении конфликтов между общедодедративной и местной властью. Но они при этом забывают, что если в конституции предоставлено местной власти изменять общедодедративные декреты, то никаких конфликтов на этой почве быть не может.

III.

Если сохранить только что разобранные статьи, то вообще весь раздел о предупреждении и разрешении конфликтов между общедодедративной и местной властью лишается всякого

смысла за невозможностью возникновения таких конфликтов. В самом деле, если декреты местного значения издаются местной властью и от нее же зависит утверждение или неутверждение, а также изменение общефедеративных декретов, то конфликтов между местной и общефедеративной властью разрешать не приходится, ибо все без исключения в конечном счете зависит от местной власти, которая, при таком построении взаимоотношений властей, являлась бы властью совершенно самостоятельной.

Поэтому казалось бы, что, давши полную самостоятельность местной власти во всех областях, составители проекта этим удовлетворятся и не пойдут в своих требованиях еще дальше. На самом же деле мы видим иное в этом проекте конституции, который его составители считают образцом и образцом для всяких других конституций такого рода.

Если ни один общефедеративный декрет не может, по мнению и желанию составителей проекта, вступить в силу в Туркестане без утверждения его местной властью, то с какой же стороны может местную власть интересовать самое прохождение общефедеративных декретов в различных учреждениях общефедеративной власти? Ведь, все равно потом, от местной власти будет зависеть считать ли эти декреты декретами также и для себя, или нет. Тем не менее составители образцового проекта считают возможным включить в конституцию такие статьи: 1. «Туркестану должно быть предоставлено во Всероссийском Ц. И. К. столько мест, сколько соответствует численности населения края. 2 Туркестанский Совнарком имеет своего постоянного представителя, избираемого им самим, во Всероссийском Совнаркоме с решающим голосом по всем Туркестанским делам и с совещательным голосом по всем остальным. 3. Туркестанский Ц. И. К. имеет в месте пребывания Всероссийского Ц. И. К. и Совнаркома постоянную делегацию, задачи, состав и полномочия которой определяются Туркестанским Ц. И. К. 4. Ни один декрет или акт управления, касающийся специально Туркестана не может рассматриваться во Всероссийском Совнаркоме и Всероссийском Ц. И. К. без участия в первом—представителя Туркестанского Совнаркома, а во втором—этого представителя и остальных членов Ц. И. К. от Туркестана».

Все эти статьи, как уже сказано, совершенно излишни, если сохранить предыдущий раздел в тех его частях, которые

порывают без остатка все и всякие федеративные узы между Туркестаном и остальной частью федерации. Но и при устранении всех указанных выше совершенно неприемлемых и недопустимых статей, требования, содержащиеся в рассматриваемом сейчас разделе, должны быть отчасти устранены, отчасти совершенно, до неузнаваемости изменены.

Прежде всего относительно членов Всероссийского Ц. И. К. от Туркестана. Принцип пропорциональности числа членов Ц. И. К. от какой либо местности числу жителей этой местности находится в самом резком противоречии с советской конституцией, задача которой — установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, т. е., наиболее прогрессивной и активной части трудящегося населения. Пропорциональное представительство в органах высшей власти от отдельных национальностей или местностей, сообразно числу населения поэтому совершенно не соответствует советскому строю. Это означало бы превратить Ц. И. К. в своего рода германский союзный совет. Кроме того, Ц. И. К. избирается не прямо трудящимся населением, а съездом советов и поэтому мыслимы выборы только пропорционально числу представителей на съезде. Однако, с точки зрения диктатуры пролетариата и такая пропорциональность также не может считаться полезной, и во всяком случае она нисколько не обеспечивает от возможности подавления меньшинства большинством, если вообще считать, что большинство в данном случае захочет пренебречь интересами меньшинства. Такая гарантия являлась бы только фиктивной, показной, а не реальной гарантией.

Что касается участия представителя Туркестанского Совнаркома с решающим голосом во Всероссийском Совнаркоме, то, ведь, необходимо не забывать, что Туркестанские, как и всякие другие местные дела суть двоякого рода: предоставленные компетенции местной власти и предоставленные компетенции власти общедофедеративной. Первые во Всероссийском Совнаркоме не рассматриваются вовсе, а вторые по конституции предоставляются исключительно ведению центральной власти. Непонятно, почему общедофедеративная власть не претендует на присутствие своего представителя в среде местной власти, при решении последнею вопросов, касающихся одной из частей общей федерации и предоставленных конституцией исключительно ведению местной власти, а местная власть претендует на участии ее предста-

вителя с решающим голосом в рассмотрении вопросов, представленных тою же конституцией исключительно ведению власти центральной. Кроме того, какой гарантией может служить участие с решающим голосом одного представителя местной власти в среде не менее 18 других членов Совнаркома. Совершенно недопустимо, далее, санкционирование в конституции такой постоянной Туркестанской, как и всякой иной, делегации, задача, состав и полномочия которой определялись бы Туркестанским Ц. И. К., а не конституциею. Ведь Туркестанский Ц. И. К., согласно такой формулировке, может определить такую численность этой делегации, которая превысила численность членов Всероссийского Ц. И. К.; он мог бы поставить ей задачу—контролировать деятельность общедеративной власти; он мог бы снабдить ее полномочием распускать Всероссийский Ц. И. К. в случае его разногласий с этой делегацией. Существование такой делегации вполне приемлемо, но ее задачи, состав и полномочия должны быть определены в самой конституции. В частности, на предварительное рассмотрение и заключение этой делегации должны бы передаваться все проекты декретов, касающихся специально Туркестана.

Совершенно немисливо согласиться на включение в конституцию такого постановления, согласно которому ни один соответственный декрет не может рассматриваться в учреждениях центральной власти без участия местных представителей, *входящих в состав этих учреждений*. Единственный смысл этой статьи—возможность обструкции или, вернее, бойкота со стороны местных представителей. Стоит этим представителям удалиться из заседания или не явиться на него, лишить собрание своего участия,—и ни один соответственный декрет не может получить утверждения. Здесь таким образом уже не высшая местная власть, а несколько ее представителей или даже один ее представитель может воспрепятствовать не только вступлению в силу, но даже и самому принятию общедеративного декрета или акта управления, относящегося к Туркестану. Своеобразное повторение «*nie pozwalam*» польского сейма.

Конец того же раздела (ст. 5—6) гласит: «5. Все разногласия относительно применения общедеративных декретов в Крае, а также все те столкновения и споры между Всероссийским Ц. И. К. и Совнаркомом с одной стороны и Туркестанскими Ц. И. К. и Совнаркомом—с другой, которые не могли

быть предупреждены обычным установленным порядком, ликвидируются на согласительных заседаниях постоянной туркестанской делегации с равным числу ее членов количеством представителей, избранных Всероссийским Ц. И. К. 6. Достигнутое на указанных в ст. 5 согласительных заседаниях соглашение подлежит ормальному утверждению обоим Ц. И. К., после чего и вступает окончательно в силу в Крае».

В этих статьях очень много неясного. Во-первых, совершенно неизвестно и нигде в другом месте не показано, каков обычный установленный порядок предупреждения разногласий и конфликтов. Непонятно затем, какие могут быть разногласия относительно применения общефедеративных декретов, если авторы проекта предоставляют местной власти изменять общие декреты, поскольку она считает их неприменимыми в крае. Изумление вызывает требование *формального* утверждения соглашений обоими Ц. И. К. Моежт быть, авторы этого проекта смотрят на такое утверждение, по общепринятому выражению, как на простую формальность? По отношению к разногласиям *по применению* общефедеративных декретов в объяснительной записке (но не в тексте) пояснено: «Делегация разумеет тот случай, когда Всероссийский Ц. И. К. или Совнарком найдут внесенные изменения черезчур видоизменяющими декреты по сравнению с намерениями законодателя».

Так как мы считаем, что местной власти не может принадлежать право изменять (даже не черезчур) *общефедеративные* декреты, то о подобного рода разногласиях не может быть и речи. Необходимо поэтому точно установить какого рода неустранимые конфликты, и каким способом должны разрешаться. При чем, разумеется, речь может идти только о конфликтах по таким вопросам, которые *не разрешены в самой конституции, или не могут быть разрешены на основании содержащихся в ней постановлений*. По отношению к такого рода конфликтам можно не возражать против паритетности при их предварительном рассмотрении и в особенности против последующего утверждения обоими Ц. И. К. Что же касается применения на местах общефедеративных постановлений, т.-е. постановлений, отнесенных конституцией к кругу деятельности общефедеративной власти, то при обнаружении на месте неудобства их применения было бы—самое большее—допустимо обращение местной власти через постоянную делегацию в соответственный орган обще-

Федеративной власти о необходимости известных изменений, с одновременным приостановлением исполнения соответственных постановлений. Но если бы соответственный орган общедеративной власти и после такого обращения подтвердил необходимость применения декрета на месте без изменений, то исполнение должно в этом случае быть беспрекословным. Разумеется, соответственным общедеративным органам власти должно принадлежать, сверх того, право *немедленной* отмены приостановления исполнения декретов.

IV.

Переходя, затем, к вопросу о размежевании сфер компетенции, круга самостоятельной деятельности местной общедеративной власти, необходимо указать, что в соответственных разделах проекта рассматриваемой конституции, выхвачены совершенно случайно следующие вопросы или, по крайней мере, следующие, не всегда отвечающие своему содержанию заголовки: сношения с другими странами, денежная система, займы и долг, налоги и сборы, доходы от предприятий, расходы, установление твердых и регулирование прочих цен, натуральный товарообмен, военное дело, внутреннее управление. Как видно уже из самых заголовков, не все здесь относится к сферам компетенции различных местных и общедеративных властей (напр., распределение существующего долга). Кроме того, во многих случаях содержание вовсе не отвечает заголовку, напр. под заголовком: расходы говорится только о сооружении новых предприятий федеративной властью и о содержимых за ее счет учреждениях и ведомствах края, под заголовком: внутреннее управление только об общедеративных учреждениях, ведомствах и предприятиях и их рабочих и служащих и т. д.

В этой части конституции необходимо более или менее точно установить и перечислить, по возможности в одном месте, какие вопросы относятся к кругу деятельности общедеративной и какие — к кругу деятельности местной власти. Отчасти, но далеко не полностью, это сделано и в разбираемом проекте конституции. Мы не думаем здесь исчерпать всех вопросов, подлежащих решению, а остановимся только на том, о чем говорится в разбираемом проекте.

Относительно сношений с другими сторонами, в проекте содержится общее постановление о том, что вся иностранная по-

литика и сношения с ними через посольства, относятся к компетенции к общедофедеративной власти, но Туркестану должно быть предоставлено право иметь работающих в полном согласии с общедофедеративными послами и агентами самостоятельных дипломатических и коммерческих агентов в смежных с ним странах, не входящих в состав федерации, как-то Хиве, Бухаре, Персии, Афганистане, Китае и Сибири. Признавая такое постановление в общем правильным, необходимо, однако, подчеркнуть, что поскольку Туркестанские дипломатические агенты обязаны работать в полном согласии с общедофедеративными, их нельзя назвать самостоятельными, и что, во-вторых, совершенно недопустимо санкционировать в конституции отсутствующий (не только в тенденции, но и статический) факт невхожденья Сибири в общесоветскую федерацию.

Относительно денежной системы—рубль признается общедофедеративной денежной единицей, чеканка монеты и выпуск бумажных денег относятся к компетенции общедофедеративной власти, но исключительно местной власти предоставляется определение потребного ей количества денежных знаков, которые беспрепятственно должны быть ей общедофедеративной властью выданы, при чем той же местной власти должно быть предоставлено право выпуска временных бонов. Здесь необходимо было бы отметить, что вопрос о денежной системе вообще есть дело общедофедеративной власти, которая может изменить и даже отменить денежную систему; должен быть дан объективный критерий для определения потребного местной власти количества денежных знаков, и, наконец, если не здесь, то в другом месте, должны быть указаны местные источники для покрытия расходов по снабжению Края денежными знаками.

Относительно займов сказано, что Туркестан не может заключать внешних займов, которые обременяли бы общедофедеративную власть платежами без согласия последней, но имеет право заключать займы у общедофедеративной власти и у отдельных членов федерации, а также кредитовать последних. Но если оговаривается специально право заключения займов (разумеется, общедофедеративную власть не обременяющих платежами) у общедофедеративной власти или у отдельных членов федерации, то ясно, что без такой особой оговорки и внешние займы, хотя бы и не обременяющие платежами общедофедеративную власть, заключаться не могут. Но в таком случае неудачна формулировка

запрета внешних займов без согласия общедоделативной власти только в том случае, если такие займы обременяют последнюю платежами. Точно также, если специально оговаривается право Туркестана кредитовать отдельных членов федерации и всю федерацию, то необходимо также установить право или отсутствие права кредитовать другие страны.

В том же разделе о займах и долге говорится о том, что Туркестан отвечает по неаннулированному общедоделативному долгу пропорционально численности населения и имеет право на получение из выручки от всякого нового общедоделативного займа суммы, пропорциональной численности его населения. Критерий численности населения неудовлетворителен. Население представляет собою только одну часть производительных сил страны. Кроме того, и по отношению к прежним и по отношению к новым займам, следует не забывать, что бывают займы со специальным назначением, напр., для постройки дорог в определенной местности и к таким займам принцип раскладки вообще, а раскладки по числу «душ» тем паче, неприменим. Дело раскладки старого долга необходимо предоставить особой ликвидационной комиссии, которая должна руководиться не одним только началом численности населения.

О налогах и сборах сказано, что Туркестан может ввести у себя самостоятельную финансовую систему, что прямые налоги в крае относятся к компетенции местной власти, а установление косвенных налогов, распространяющееся на всю федерацию, — к компетенции общедоделативной власти, но доходы от всяких как общедоделативных, так и местных косвенных налогов на все продукты, потребленные в Туркестане, должны поступить в местную казну. Здесь прежде всего необходимо установить право общедоделативной власти, отменить как определенный вид косвенных налогов, так и систему косвенных налогов вообще, с воспреещением в этих случаях, местной власти устанавливать свои местные косвенные налоги. Затем поступление всех прямых налогов на жителей края и всех косвенных налогов на продукты, потребленные в крае, исключительно в местную казну, означает желание края не давать общедоделативной власти никаких средств для выполнения ее общедоделативных задач. А мы уже видели, что ей потребуются расходы для удовлетворения местной потребности в денежных знаках. Ей потребуются гораздо большие расходы по снабжению Туркестана; согласно одному

из следующих разделов проекта конституции, всеми техническими средствами военной защиты. Общефедеративная иностранная политика и общефедеративное законодательство также требует общефедеративных расходов. Можно было бы указать еще ряд необходимых общефедеративных расходов. Где же общефедеративной власти найти источники для покрытия таких расходов? Ведь, если другие члены федерации, в том числе и Великобритания, — а то, что позволительно Туркестану, должно быть позволительно и Великороссии, — захотят все доходы от своих прямых и косвенных налогов обратить в местные средства, поступающие в местную казну, то общефедеративной казны не будет вовсе или же в ней будет пусто, хоть шаром покати.

Общефедеративной казны не будет при таких условиях, тем более, что доходы от всякого рода предприятий, учреждений, и ведомств, эксплуатируемых в крае, в том числе и доходы от почты, телеграфа, телефона, железных дорог, согласно другим разделам проекта конституции, только временно поступают в общефедеративную казну, пока местная власть не заблагорассудит принять их содержание на свои средства. Здесь забывается, что общефедеративной власти на такие предприятия и сооружения могут быть затрачены огромные средства, которые ей так или иначе должны быть возмещены при поступлении этих предприятий и сооружений в распоряжение местной власти.

Необходимо, кроме того, установить известное отчисление в общефедеративную казну как с доходов от местных предприятий, так и с поступлений от прямых налогов на жителей края и от косвенных налогов на продукты, потребленные в крае.

Организация военного дела отнесена к компетенции общефедеративной власти в несколько неясной и двусмысленной формулировке, гласящей: «Все военное дело в крае организуется во всех отношениях на общих для всей федерации началах», но «все технические средства военной защиты, равно как и все воинские силы на территории Туркестана, должны находиться в распоряжении и полном подчинении Туркестанского Военного Комиссариата». Опыт защиты социалистического отечества показал, что успешность защиты нередко требует объединения всех военных сил и средств под одним командованием и распоряжением, и поэтому требование полного подчинения этих сил и средств во всех случаях местной власти противоречит цели, к которой должны стремиться и к которой, повидимому, стремятся

составители проекта, а именно — «успешной защите Туркестанской части социалистического отечества от всех врагов его».

Установление в крае цен на продукты и изделия национализированных отраслей производства, а также твердых цен на другие предметы, отнесено к исключительной компетенции местной власти. Здесь необходимо размежевать право национализации отраслей производства и монополизации, предоставляемое общедоделеративной власти, от такого же права местной власти. Против права местной власти устанавливать цены в крае можно и не возражать.

В проекте Конституции содержится еще и статья о натуральном обмене (с примечанием к ней), гласящая: «Туркестан и другие частные федерации имеют право взаимно требовать друг от друга ввоза к себе необходимых изделий и продуктов натурой в порядке товарообмена. Пропорция, в которой должны обмениваться товарами в натуре, устанавливается по взаимному соглашению обменивающихся сторон. Сроки и порядок товарообмена подлежат тоже соглашению этих сторон». Этот чрезвычайно важный для нашего переходного (к социалистическому) строя пункт изложен крайне неясно, если даже оставить в стороне непонятное указание на то, что изделия и продукты должны ввозиться *натурой*. Какое количество продуктов и изделий может требовать одна часть федерации от другой? Могут ли быть потребованы только излишки после полного удовлетворения местных потребностей или же можно требовать равномерного распределения продуктов, производимых в крае, по всей федерации? Если под пропорцией, в которой должны обмениваться товарами в натуре, понимать количество продуктов, которое должно даваться в обмен на другие продукты, иначе говоря, цены обмениваемых продуктов, выраженные не в деньгах, а в обмениваемых продуктах, то, ведь, предоставить решить этот вопрос соглашению сторон, значит совершенно уничтожить обязательность обмена. Стоит только одной из сторон заартачиться или умышленно назначить совершенно невозможную, смешную «пропорцию», т. е. цену, и от всего права требовать товарообмена в натуре ничего не останется. Затем, здесь совершенно не говорится о том, что право требовать товарообмена (или продуктообмена) в натуре относится только к продуктам, *производимым* в отдельных частях федерации. Такие продукты могут быть получены и из других стран. Недаром,

ведь, будут в других странах содержаться как местные, так и общедофедеративные коммерческие агенты. И общедофедеративная власть также может получить в свое распоряжение различные продукты для распределения их между отдельными членами Федерации.

Вообще, вопрос о товарообмене в натуре, как играющий в советском строе одну из главнейших ролей, должен быть предоставлен компетенции общедофедеративной власти. Она должна иметь в своем распоряжении дело учета и распределения продуктов, производимых во всей Федерации. Только такое регулирование вопроса может дать вполне удовлетворительный товарообмен, а не кустарный и хаотический суррогат его.

Заканчивая, необходимо сказать еще раз, что проект местной Конституции, выработанный для Туркестана, в своем первоначальном виде, не может служить образцом для будущих других местных советских Конституций; что он должен быть самым коренным образом изменен и переработан в духе общей советской конституции, в духе интернационального социализма, в духе взаимного предоставления сил и средств, а не одностороннего использования частью Федерации сил и средств остальных частей Федерации, в духе пролетарски-демократического централизма, соответствующего советскому строю диктатуры пролетариата.

Приведенные выше рассуждения могут послужить только некоторым материалом для выработки такого образца местной Конституции.

Замужняя женщина, как неравноправная личность в современном гражданском праве.

Вступительная лекция к курсу семейного права.

Обычно принято говорить, что степень культуры страны измеряется положением, которое, по праву, занимает в ней женщина, и в частности женщина замужняя, хозяйка дома, мать семейства. Чем менее приижено правовое положение замужней женщины, чем больше у нее самостоятельности и независимости, чем более равноправной она выступает наряду со своим мужем в частной жизни, тем выше культура страны, и, наоборот. Там, где муж, по праву, занимает в своем доме, по отношению к своей жене, положение тирана, он во всех остальных отношениях является рабом неограниченного деспота: неограниченный владыка в своем серале, в своем гареме, в женском тереме, он—бесправнейший раб вне его.

Поэтому, казалось бы, что в современном гражданском праве, из которого исчезли всякие остатки рабства и крепостничества, в котором господствуют принципы равноценности человеческой личности, равноправия и равенства всех перед законом, замужняя женщина должна выступать вполне равноправным товарищем своего мужа, что ее личность не должна закрываться его личностью, что тень, отбрасываемая человеческою личностью на потомство, должна исходить по возможности одинаково, как от мужа, так и от жены. Казалось бы, что надежда высказанная в старинной латинской поговорке: «Uxor non proprie est socia, sed speratur fore»—жена, собственно говоря, еще не товарищ мужа, но можно надеяться, что она таковым станет,—казалось бы, что эта надежда в настоящее время должна уже осуществиться. Казалось бы, что должно же, наконец, начать соответствовать действительности определение брака, заимство-

ванное нашей церковью у римского юриста Модестина (fr. 1 D. XXIII, 2) и гласящее, что брак есть «conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio» — «мужев и жене сочетание и событие во всей жизни, божественныя же и человеческия правды общение» (Кормчая, гл. 48). Казалось бы, что если брак есть общение «божественныя и человеческия правды» обоих супругов, то не может быть места зависимости одного из них, подчинения одного супруга власти другого, права одного «повелевать» и обязанности другого подчиняться, «пребывать в неограниченном послушании». Казалось бы, что на брак действительно необходимо смотреть, по словам другого определения, формально исходящего от нашей церковно-законодательной власти, как на «неразрешимый союз любви и дружества и взаимную помощь» (Кормчая, гл. 50), союз, при котором не может одна сторона преобладать над другою.

И исследователи, занимающиеся вопросом об эволюции правового положения замужней женщины, приходят к заключению, что она уже достигает или даже достигла уже положения равноправного мужу товарища. Они устанавливают следующие 4 стадии развития гражданского положения замужней женщины: 1) На самой низшей ступени развития замужняя женщина рассматривается не как личность, а как вещь; она не субъект права; она не находится только под опекой или под властью мужа, а составляет часть его имущества; мало того, что ее помимо ее воли продают или берут в замужество, она со смертью мужа переходит к его наследникам, как часть наследства покойного, и эти наследники, в свою очередь, могут продавать ее или отдавать замуж; в эту эпоху у женщины не может быть имущества, и поэтому немислимо и для замужней женщины иметь приданое, отсутствуют институты имущественного права супругов и разрешения мужем жене заключать сделки, так как в эту эпоху муж, с точки зрения юридической, все, а жена — ничто, — это эпоха несвободного брака. 2) На следующей ступени жена занимает положение подчиненного субъекта прав; она в праве обладать имуществом, но оно подлежит охране и в большинстве случаев сохранению в ее роде; поэтому для женщины вообще и, в частности, для замужней женщины учреждается опека, вечная опека (cura mulieris), но не в ее интересах, а в интересах родственников или мужа; интересы родственников требуют освобождения замужней женщины от имуществен-

ной власти мужа; появляется свободный брак с его отчужденностью между супругами, как представителями имущественных сфер, с непринадлежностью жены к семье мужа, с возвращением ее после смерти мужа, а нередко и при жизни его, в лоно родной семьи (со всем своим имуществом). 3) На третьей ступени развития замужняя женщина, оставаясь субъектом прав, находится под ослабленной опекой мужа, созданной уже в интересах жены, а не мужа; власть мужа имеет здесь характер опеки в собственном смысле, он обязан отчетностью. 4) Наконец, на четвертой и последней ступени замужняя женщина уравнивается с мужем, становится его товарищем¹⁾.

Таким образом, если поверить этим исследователям, то можно подумать, что ранее мною упомянутую латинскую поговорку пора уже оставить, как устарелую, что в наши дни ее можно уже заменить другою и прямо заявить: *Uxor socia est maris*—жена и муж—это два равноправных члена супружеского общения, или товарищества. Но это оптимистическое заключение совершенно не соответствует действительности. Оно неверно. Неверно так же, как неверна и исходная точка зрения оптимистически настроенных исследователей. Улучшение частнопровового положения замужней женщины, вовсе не строго пропорционально повышению культуры данной страны. Если бы частнопрововое положение замужней женщины являлось строго верным показателем культуры соответственной страны, то необходимо было бы сделать вывод, что Россия эпохи создания свода законов в культурном отношении стояла гораздо, несравненно выше Англии, Франции, Швеции, Норвегии 70-х годов прошлого столетия. Такой вывод весьма льстил бы нашему национальному самолюбию, но он едва ли соответствовал бы действительному положению вещей.

Затем, положение замужней женщины по праву и ее же положение в действительной жизни—это две вещи разные. Между постановлениями законов о частнопрововом положении замужней женщины и действительной жизнью всегда существовала громадная разница. Необходимо поэтому различать в данном вопросе правовую и бытовую точки зрения. Если мы обра-

¹⁾ См. R. Bartsch, Die Rechtsstellung der Frau als Gattin und Mutter, Лейпциг, 1903 г., стр. 10 сл., приведено у В. И. Синайского, Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве, 1910 г. стр. 2.

тимся, например, к Риму, то что же мы увидим? В начальную эпоху римской истории законодательство рисует нам частноправное положение женщины вообще и замужней женщины в частности самыми мрачными красками. Всецело предоставленная безконтрольному деспотизму отца и мужа, которые были властны над ее жизнью и смертью (*jus vitae necisque*), она могла быть продана, куплена, приобретена по давностному владению, вытребована по суду, как раб или выучный скот. Ее неправоподобность и ее рабство кончались только вместе с ее жизнью. Избавившись от тиранической власти отца или мужа, она и вдовую подпадала под такую же власть агнатов. И если сообразоваться с этим законодательством, то необходимо признать, что вполне был прав Тит Ливий (XXXIV, 27), восклицая: «*Feminas in manu esse parentum, fratrum, virorum... Filiae, uxores, sorores etiam... in manu erunt... Nunquam exiunt servitutis mulieries*».

Никогда не кончается рабство женщины! Таково было ее положение по праву. Ну, а в действительной жизни? В действительной жизни жена являлась хозяйкой дома, почтенной матроной, почитаемой рабами и клиентами, уважаемой мужем и детьми, занимающей первое место за столом, где она, в отличие от греческих обычаев, являлась необходимым украшением: «*Quem enim Romanorum, — восклицает Корнелий Непот, — pudet uxorem ducere in convivium? aut cujus non mater primum locum tenet aedium?*» (Кто из римлян постыдится жену свою повести в зал для гостей? или чья мать не занимает первого места?). Переступая порог мужнего жилища, жена обращалась к мужу с sacramentalной фразой: «*Ubi tu Gajus, ibi ego Gaja*» — где ты хозяин, там я хозяйка¹). И действительно, каждый в доме, не только чада и домочадцы, но и сам муж, называли ее *domina*²). Она заведывала домашними работами рабов, она направляла воспитание детей, она, наконец, делила с мужем управление всем имуществом. Все в доме считалось общим, нераздельно принадлежащим мужу и жене³). Таково было различие между законами и действительной жизнью в Риме.

1) Дионисий Галикарнасский II, 25: γυνή, κυρία τοῦ οἴκου τοῦ αὐτοῦ: τροπὸν ἢ σὺν τῷ ὄνοματι.

2) *Peto a te, domina uxor*, Dig. XXXII, fr. 41, pr.

3) Columela, XII, pr.: „*Nihil conspiciebatur in domo diriduum... sed in commune conspirabatur ab utroque!*“

А если мы, засим, обратимся к России эпохи Домостроя или даже времен Котошихина, то мы можем заметить явление, как раз обратное. В праве того времени мы не можем усмотреть ничего такого, что хотя бы в слабой степени напоминало суровые, жестокие, бесчеловечные постановления древнего римского законодательства. Наоборот, с точки зрения нашего права той эпохи или, вернее, отсутствия в праве ограничений, положение замужней женщины, если сравнить его с тогдашним положением замужних женщин стран более передовых, представлялось блестящим. Но, если бы мы захотели судить о действительном положении наших замужних женщин той эпохи, доверившись обманчивым постановлениям или умолчаниям закона, то мы составили бы себе весьма превратное представление о роли и судьбе жены и матери. Каково было действительное положение замужней женщины в ту эпоху, видно из актов и литературных источников того времени. В поручных записях 1-ой и 2-ой половины XVII в. мы можем прочесть о принятии на себя обязательства «с матерью своею не бранитьца и не битца и жены своей не безвечить напрасно... и смиряти жена своя, по вины и по людски, а не безвечем»¹⁾, или, «жены не убить, не замучить, не постричь без властелина ведома»²⁾. Домострой советует: «А за всякую вину по уху или по лицу не бити, ни кулаком под сердце, ни пинком, ни посохом не колотити, ничем железным, ни деревом не бити. Кто с сердца или с кручины так бьет, многия притчи оттого бывають, слепота и глухота, и руку и ногу вывихнет, и глазоболея, и зубная болезнь, а у беременных жен и детям в утробах бывает повреждение; а плетью бити и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А в случае большой вины, и за ослушание и небрежение снять рубашку да плетью вежливоенько, за руки держа, по вине смотря». По свидетельству Котошихина, протопоп так поучал, по окончании венчания, царя и царицу: «жене у мужа быть в послушестве и друг на друга не гневаться, разве некия ради вины мужу поучити ея слехка жезлом, занеже муж жене яко глава в церкви». В Риме, как мы видели, все, в том числе и муж, звали жену «domina», госпожею. А у нас в одной рукописной кормчей (толк Козмы Халкидонского, яко

¹⁾ См. Неволли, История рос. гражд. законов, ч. I, стр. 80, прим. 191

²⁾ См. А. И. Загоровский, Курс семейного права. 2-ое изд., стр. 134.

не подобает жены госпожею звати) сказано: «жены да послушают во всем мужей своих, яко раб господина... Не мози, сыну, возвести главы женския выше мужа, али то Христу наругаешься. Того ради не подобает жены звати госпожею, но и лепо жене мужа звати господином»¹⁾.

Как видим, в сфере частного-правового положения, занимаемого замужней жинщиной, жизнь то значительно опережает действующие законодательные нормы, то далеко отстает от них. И поэтому почти невозможно судить по законодательным нормам о действительном положении замужней женщины. И точно также от характера законных норм, регулирующих частно-правовое положение замужней женщины, нельзя заключать к степени культуры данной страны, и наоборот.

Но, может быть, частное положение замужней жинщины в действительной жизни служит несомненным и вернейшим показателем высоты культуры. Может быть, можно выставить положение, что в современном высококультурном обществе замужняя женщина, если не в частном праве, то в действительной частной жизни, является вполне равноправным товарищем своего мужа. И такое положение может даже, на первый взгляд, показаться тавтолизмом. Однако, если разобраться поглубже, то положение это окажется также совершенно неверным.

Прежде всего необходимо указать на следующее. Правда, даже при наличии суровых законов, принижающих человеческое достоинство жены, подчиняющих ее произволу мужа, высококультурный муж может парализовать действие этих законов, может отказаться быть деспотом. Закон может предоставить мужьям право контролировать каждый шаг своих жен, разрешать или не разрешать им те или иные действия, но если культурные мужья предоставят своим женам полную свободу, то действие сурового закона будет сведено к нулю. Однако, если даже оставить в стороне полную зависимость в этих случаях жен от капризов своих мужей, если даже оставить в стороне крайне отрицательное воспитательное действие на мужей наличия таких законов,—все же есть много таких значительных для жен частно-правовых норм, парализовать

¹⁾ См. Орович, Женщина в праве, 3-ье изд. стр. 66.

действие которых не во власти мужей, даже при желании с их стороны.

Но этого мало. Многовековое существование законов, при-
нижавших юридическое положение замужней женщины и воз-
вышавших над нею мужа, воспитало соответствующую этим за-
конам психику не только у мужчин, но даже и у женщин. И
некоторые идеи о неравноправии жены так глубоко вкоренились
в психику людей, так срослись с их сознанием, что требование
равных прав для мужа и жены или, в особенности, такого же
преобладания жены над мужем, какое ныне наблюдается со сто-
роны мужа над женою,—что такое требование может показаться
неожиданной, смешной и дикой фантазией даже наиболее
рьяным феминисткам. И если представляются некоторые труд-
ности для проведения в жизнь идеи равноправия мужа и жены,
то мысль людей, с молоком матери всасывавших многовековые
традиции, часто остающиеся в подсознательной области,—мысль,
говорю я, этих людей невольно склоняется, без представления
каких бы то ни было резоннов, в пользу издревне сильнейшего
мужчины.

Даже новейшие законодательства предоставляют мужу ре-
шающий голос в делах супружеского общения. В германском
гражданском уложении мы читаем (§ 1354): «Мужу предоста-
вляется решать все вопросы, касающиеся совместной супруже-
ской жизни; в частности он избирает место поселения и квар-
тиру» (Wohnort und Wohnung). В швейцарском гражданском уло-
жении (ст. 160) читаем: «Муж глава супружеского общения.
Он определяет супружескую квартиру». К ним же примыкает
и проект нашего семейного права, ст. 109 которого гласит:
«Мужу, как главе семьи, принадлежит решительный голос в
семейной жизни». Я уже не говорю про постановления фран-
цузского кодекса, гласящие (ст. ст. 213 и 214), что жена обя-
зана *послушанием* мужу, что она «обязана следовать за ним
повсюду, куда он сочтет нужным переселиться». Я уже не
говорю про постановления наших законов гражданских, пред-
писывающих (ст. 107) жене повиноваться мужу своему, как
главе семейства, и «пробывать к нему в неограниченном по-
слушании».

Чем объяснить это принципиальное предоставление му-
жу решающего голоса в супружеских делах. Некогда оно оправ-
дывалось физической, умственной или нравственной слабостью

женщины (*imbecillitas, fragilitas sexus*). Несомненно, как общее правило, женщина физически слабее мужчины. Но, ведь, эпохи культа грубой силы давно уже прошли, и даже теперь, несмотря на переживаемую нами европейскую войну, культ этот не возродился. Поэтому нет никаких оснований преобладанию физической силы придавать столь важное значение в области правовой. Далее, правда, было время, когда сомневались в наличности у женщин разума, говорили, — что женщина — существо неразумное. Платон сомневался, к какому роду животных, разумных или неразумных, следует отнести женщин. Другие указывали на то обстоятельство, что из всех богинь одна Паллада или Минерва, богиня мудрости, родилась из головы Юпитера или Зевса и не имела матери, чем и доказывалось, что мудрость не может исходить от женщины. Но, ведь, мы от этого времени очень далеки. Говорили некогда и о нравственной слабости женщины, говорили, что женщина существо легкомысленное (*animi levitas*), что она, правда, не любит терять наличного, но зато весьма легко принимает на себя обязательства в будущем, питая легкомысленную надежду на то, что обязательства эти ей не придется исполнять. И этим, между прочим, оправдывали воспрещение женщине вступать в обязательства, интердигировать за других, воспрещение, установленное для римских женщин в *senatus consultum Vellejanum* и затем реципированное почти во всей Европе. Но, ведь, в настоящее время законодательства не лишают женщин права интерцессии, повидимому, отказавшись видеть в ней существо легкомысленное.

Можно было бы, далее, привести соображения, прямо иррациональные. Можно было бы главенство мужа объяснить вообще тем, что женщина, по природе своей, предназначена быть рабою мужа. И такое объяснение действительно давалось. Творцы канонического права заявили (*can. 13-19, causa XXIII, qu. 5*): «...*Mulier non est facta ad imaginem Dei... Hinc apparet quemadmodum subditas feminas viris et pene, famulas lex esse voluerit uxores*».

(Женщина не сотворена по образу и подобию Божию... Отсюда явствует, что по воле закона жены должны быть подвластны мужьям, должны быть почти их рабынями). Ту же мысль высказал Наполеон при обсуждении во французском государственном совете проекта *Code civil*: «Природа сделала женщин нашими рабынями. Муж имеет право сказать своей жене: Мадам, вы не выйдете из дому. Мадам, вы не пойдете в театр.

Мадам, вы не увидите такого-то или такого человека, иными словами: «Мадам, вы мне принадлежите телом и душой».*) Но в настоящее время ни такие теологические, ни такие солдатские воззрения на природу женщины не являются руководящими (по крайней мере, открыто) для законодателя.

Необходимо добавить, что главенство мужа провозглашается принципиально, вне всякой зависимости от того, на чьи средства супруги живут. Чем же иным можно объяснить провозглашаемую супрематию мужа, как не указанную нами ранее психологией, традиционным воспитанием людей в том направлении, что мужчине должно принадлежать преобладание над женщиной. И эта идея до такой степени вкоренилась в сознание людей, что многим кажется диким даже представление о возможности обратного положения вещей. И даже такой принципиальный сторонник уравнивания женщин в правах с мужчинами, как известный покойный французский профессор Поль Жид, заявляющий, что во всех странах, где еще господствует аристократия пола, ее падение также не заставит себя ждать²⁾, даже он не может себе представить отмены супрематии мужа. Вот что мы у него читаем по этому поводу: «Странное недоразумение требовать, во имя прогресса, уничтожения мужней власти (*l'autorité maritale*). Если вы ее уничтожите, то вам придется вернуться к нравам языческим, вам придется порвать всякую общность интересов между супругами, отстранить жену от всякого участия в делах домашнего хозяйства, поскольку, конечно, вы не предпочтете переменить роли и предоставить супрематию жене, что и практикуется, по рассказам известных путешественников, на некоторых островах Полинезии; необходимо только добавить, что жители этих островов не знают брака, что они соединяются как стадные животные, и что они пожирают своих пленников, когда не пожирают друг друга»³⁾.

Говорят, что по некоторым законодательствам, эта власть мужа сводится на нет, в виду запрещения ему злоупотреблять своим правом. Такое запрещение содержится, напр., в германском гражданском уложении, постановляющем (§ 1354), что «жена не обязана подчиняться решению мужа; если оно предста-

1) Thibadeau, Mémoires sur le consulat, стр. 426.

2) La condition privée de la femme, стр. 466.

3) Ibid стр. 471.

вляется злоупотреблением с его стороны своим правом». Но послушаем, какие права приписывает мужу, несмотря на такое запрещение, известный германский профессор Козак¹⁾. По его мнению, напр., муж в праве контролировать и регулировать работу жены вне дома, ее сношения с родственниками и подругами, ее корреспонденцию, ее чтение и посещение церкви, ее туалеты, уход за ее здоровьем. И во всех этих случаях жена, желая получить право не подчиняться решению мужа, должна доказать, что муж в своих решениях злоупотребляет своим правом. Другой специальный комментатор германского семейного права, проф. Опет, еще пополняет этот список прав мужа. По его мнению, мужу принадлежит исключительно решающий голос не только по второстепенным вопросам, каковы напр., вопросы устройства домашней жизни, сношений с обществом и т. п., но и по вопросам этическим, как, напр., участие в религиозных, политических или социальных движениях, занятие художественно-литературной деятельностью, поддержание дружеских отношений²⁾. Вот в каком подчиненном положении, по крайней мере, по толкованию названных профессоров, находится жена в Германии, до недавнего времени столь славившейся своей культурой.

И только что указанное мнение поддерживается и высшим судом Германии, считающим, что жена обязана подчиниться требованию мужа, предлагающего, напр., чтобы она поселилась в санатории³⁾. Отсюда недалеко и до того вывода, что муж в праве поместить свою жену в сумасшедший дом.

В пользу главенства мужа, как в супружеских делах, так и в отношениях к детям, в области родительской власти, высказывают еще и следующие соображения. Говорят: супружеское общение состоит из двух лиц, в среде которых, при их разногласии, нельзя получить большинства. Правда, оба они равноправны, но при разногласии приходится, ничего не поделаешь, пожертвовать правами одного. Поэтому только при разногласии и предоставляется мужу решающий голос. Нельзя же, в самом деле, говорить, предоставить преобладающее значение жене или матери. «*Car on ne pouvait songer à donner la prépon*

1) Cosack, Bürg. Recht, § 279, 11, 1 прим.

2) Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuche, Das Familienrecht, т. 4, стр. 95, изд. 1906.

3) R. S. Ents. Civils т. 51. 51, 2 ч. № 44.

dérance à la mère, говорит французский профессор Плиноль (*Traité élémentaire de droit civil* т. 1, стр. 527, изд. 1906). По отношению к детям в особенности подчеркивают необходимость единства власти. И поэтому хотя некоторые законодательства и говорят не об отцовской, а о родительской власти, но в частных постановлениях о проявлениях родительской власти и в этих законодательствах указывается, что родительская власть в первую голову принадлежит отцу, а власть матери, пока жив отец, по общему правилу дремлет.

Необходимость единства власти и невозможность раздвоения ее отстаивает в виде общего, применимого ко всем случаям проявления власти, правила, и проф. Л. И. Петражицкий. Вот что мы можем прочесть у него по этому вопросу: «Наделение правами власти нескольких субъектов по отношению к одним и тем же подвластным вело бы, сообразно атрибутивной, притязательной и конфликтной природе правовой психики, к более или менее резким, в том числе кровопролитным конфликтам, если бы разные властители могли приказывать подвластным разное в том числе прямо противоположное, и одинаково притязать на исполнение своих велений. Сообразно с этим, природной правовой психике свойственна тенденция такого приспособления подлежащих убеждений и актуальных переживаний (сознание долга подчинения, права на послушание другим и т. д.), что в отдельных случаях, в частности, в случае противоречащих друг другу распоряжений со стороны разных начальств, конкретный долг послушания сознается по адресу не двух или более приказывающих, а по адресу одного из них; и точно также правовое сознание повелевающих имеет такое содержание, которое обыкновенно устраняет одновременное притязание нескольких на подчинение их, различным по содержанию повелениям; и таким образом предупреждаются конфликты¹⁾».

Однако, если даже признать за аксиому правило о необходимости единства и недопустимости равновесия властей, то все же не дается объяснения, почему предпочтение должно быть дано мужу и отцу. Одно голословное заявление: нельзя же отдать преимущество жене или матери, — разумеется, не может служить объяснением. Это заявление опять таки подтверждает наше мне-

¹⁾ Л. И. Петражицкий, Теория права и государства. т. I, стр. стр. 200 изд. 1907.

ние о том, что где-то, за порогом человеческого сознания, прочно засела мысль: *in dubio pro... vigo*. Но и само правило о необходимости единства власти несколько не противоречит возможности равновесия властей. Никто, разумеется, не выставляет требования, чтобы дела супружеские решались одновременно согласно противоположным желаниям супругов; никто не может требовать от детей, чтобы они слушались одновременно обоих родителей, хотя бы приказание одного противоречило приказаниям другого; никто не может требовать от лица, ведущего запись рождений, заносить родившегося в регистры под разными именами, согласно с различными желаниями обоих родителей. Такое требование невозможно, ибо оно просто нелепо. Не так ставится вопрос. Вопрос идет о том, чтобы единая власть принадлежала двум лицам, чтобы непротиворечивое единое распоряжение исходило от двух лиц, чтобы распоряжение это становилось обязательным только тогда, когда оно исходит от обоих.

А такое равновесие властей не только возможно, но и существует в действительности. В области публичного права мы имеем пример такой власти в двух равноправных и независимых одна от другой палатах. В области семейного права, на границе между частным и публичным правом, в праве опеки мы имеем институт опекунов, совместно и нередко в одном и том же направлении осуществляющих свою опекунскую власть. И некоторые законодательства, предоставляя, за смертью отца или по иным причинам, родительскую власть матери, приставляют к ней советника, опекуна и т. д., совершенно не смущаясь таким раздвоением власти. Наконец, в области чистого гражданского права мы имеем институт общей собственности.

Во всех этих случаях распоряжения двух лиц становятся обязательными, имеют силу лишь тогда, когда эти распоряжения между собою согласны. И нежелание, чтобы их распоряжения были парализованы, заставляют этих двух лиц идти друг другу навстречу, делать уступки друг другу, памятуя, что худой мир лучше доброй ссоры, которая совершенно уничтожает их активность, делает совершенно безрезультатными их распоряжения. А на самый худой конец, когда они все же, несмотря ни на что, не могут прийти к согласному решению, можно было бы в области супружеских и родительских отношений предоставить решение спора справедливому усмотрению беспристрастного су-

да. И опять таки одна возможность вынесения по спорному вопросу решения судьей, решения, которое, неизвестно в чью сторону склонится, заставить супругов или родителей, по возможности, столковаться миром, путем взаимных уступок.

Следовательно, уничтожения единовластия мужа и отца было бы вполне мыслимо, если бы препятствием не служило указанное мною ранее подсознательное правило: *in dubio pro viro*.

В приведенных только-что случаях преобладание мужа над женой и отца над матерью все же может быть парализовано, если супруги живут в добром согласии. Правда, недопустимо обеспечение себя женою заранее; правда, лишено силы соглашение, направленное на ограничение в будущем прав мужа и отца в пользу жены и матери; правда, муж во всякое время может отступить от соответственного, данного им жене, обещания. Но если в семье царит мир и согласие, то подчиненное, неполноправное положение жены и матери не замечается, не обнаруживается во-вне.

Но есть целый ряд других случаев, когда и при добром желании обоих супругов они не могут устранить приниженного, несамостоятельного положения жены.

Законы почти повсеместно не признают за замужней женщиной права на свою родовую фамилию. Фамилия вообще считается весьма ценным благом. Она защищается законом от всяких посягательств, как отличительная, индивидуализирующая человека, метка. Но фамилия, кроме того, может быть очень дорога для данной личности, как связанная с известными воспоминаниями, фамильными преданиями и т. д. А между тем жена при выходе замуж теряет свою прежнюю фамилию, притом, по нашему праву, как недавно решил наш сенат (реш. гражд. касс. деп. 1913 г. № 57), раз и навсегда. До недавнего времени замужняя женщина в Англии не имела своей личности (*feme covert, femina viro cooptata*), муж и жена считались одной личностью, и эта личность была личностью мужа. Жена поэтому признавалась не имеющей своей воли, воля ее считалась совпадающей с волею ее мужа. Отсюда, если жена добровольно бежала от мужа с другим мужчиною, то против последнего мужу давался иск о насильственном похищении его жены; если жена кого либо оскорбляла, то отвечал за это в уголовном порядке муж. По отношению к фамилии это поглощение личности жены личностью мужа сохранилось почти повсюду и поныне.

И даже смешным могло бы показаться требование, чтобы муж носил фамилию жены.

Говорят, что жена, если ее фамилия имеет особую ценность (напр. приобрела известность, как фамилия знаменитой актрисы, певицы, писательницы, художницы и т. д.), может присоединить ее к фамилии мужа, и если бы муж запретил ей это, то такое запрещение представлялось бы с его стороны злоупотреблением своим правом, злоупотреблением, запрещаемым, напр., германским законом. Но посмотрите, какая разница в отношении к фамилии мужа и фамилии жены. Фамилия мужа может быть самая заурядная, ничего не значущая, и все же жена обязана ее носить, а между тем свою родовую фамилию она в качестве привеска к фамилии мужа может сохранить только в том случае, когда эта фамилия имеет особую и притом экономическую ценность. Как будто бы фамилия сама по себе не может быть дорога лицу, ее носящему.

Жена не только лично теряет свою фамилию, но и не передает ее потомству. Жена, с точки зрения законов, не может желать, чтобы фамилия ее не исчезла с лица земли. И опять-таки требование, чтобы дети носили фамилию своей законной матери, может показаться смешным и диким в глазах людей, воспитанных в традиционных воззрениях. А между тем в XII и XIII в.в. жена могла во Франции передавать своим детям фамилию своих предков (по кутюмам Брежа, Лурда, Лаведана и др.). У нас закон предоставляет возможность сохранения угасающей фамилии через жену, но не по ее желанию, а по желанию ее родственника — мужчины, фамилия которого лишилась носителей ее — мужчин (ст. 79 и прил. т. IX св. зак.). Равным образом закон наш допускает передачу женою своей фамилии детям, рожденным в мorganатическом браке.

Жена высшего состояния там, где еще сохранились сословия, не сообщает прав своего состояния не только мужу, но и детям своим. И дети графини, вышедшей замуж за крестьянина, считаются крестьянами.

Наконец, закон не признает за женою права любить свою родину. Женщина, вышедшая замуж за иностранца, немедленно и в силу самого факта замужества, становится иностранною подданною.

Итак, заканчивая, я должен сказать: весьма еще преждевременно утверждать, что жена стала уже полноправным то-

варищем своего мужа. И латинская поговорка: «Uxor non proprie est socia, sed speratur fore», — не только не устарела, но даже более того, надежда, в ней выраженная, все еще очень далека от своего осуществления. Для того, чтобы исчезли последние остатки неравенства жены, чтобы исчез взгляд на нее, как на неполноправную личность, нужны еще огромные изменения не только в общественной жизни, но и в народной психике и даже в психике самих женщин.

30к.

СПбГУ